

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА АСЕЕВА

СКВОЗЬ СОН

Елена Асеева

СКВОЗЬ СОН

«Издательские решения»

Асеева Е. А.

Сквозь сон / Е. А. Асеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748019-6

Отрывок из книги: «Я вошел в плотные слои какой-то туманности и вновь снизил скорость тогда, когда разглядел впереди себя огромный оранжево-красный шар, местами покрытый белыми пятнами и словно окаймленный желтоватым ореолом. Даже удивительно, что я, будучи всего-навсего тонкой мыслью, мог наблюдать и сами Галактики в своей мощи, и наполняющее их пространство. Точно перед движением мысли, ее наблюдением и познанием мира не могло возникнуть преград».

ISBN 978-5-44-748019-6

© Асеева Е. А.
© Издательские решения

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	10
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	25
Глава шестая	29
Глава седьмая	34
Глава восьмая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сквозь сон

Елена Александровна Асеева

*Только те, кто предпринимают абсурдные попытки, смогут
достичь невозможного.*
Альберт Эйнштейн.

© Елена Александровна Асеева, 2016

© Евгений Боровков, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава первая

Вряд ли я чем отличался от миллиардов людей живущих на нашей голубой планете Земля. Ну, не только в смысле внешности, цвета кожи, даровитости, удачи или витиеватости судьбы. В основных чертах я говорю о том, что если посмотреть на меня или соседа (который жил в квартире напротив), так кроме как оттенком волос, крепостью фигуры и цветом зелено-карих глаз ничем таким я с ним и не разнился. Так же как и он, я проживал на планете Земля, в России, городе N, в десятиэтажном доме. С утра до вечера работая, растягивая получку от аванса до зарплаты, попивая пиво по выходным и закусывая его сушеными кальмарами купленными в соседнем магазине. Уверен, его так же как и меня допекали проблемы в семье, налоги, кредиты, и возможно алиментные обязанности. По праздничным дням, приходя к родителям, он выслушивал лекции о правильности жизни, басни о том, что люди раньше были лучше, подытоживающую мораль о необходимости беречь собственное здоровье, которое ни за какие деньги, ни купишь. А после, отплевываясь от залетающего в рот снега, он плелся домой, чтобы нарушив все нравственные критерии мгновенно забыть докучающие проповеди родоков, подсесть к компьютеру и сразиться с каким-то «чатланином» в он-лайн игру.

Одним словом, я, как и мой сосед, входил в эту серую миллиардную массу землян, чья жизнь, как и появление, и уход даже не замечались, не ощущались. И касались всего-навсего так только близких, родных, тех, с кем из-за необходимости сберегались кровные связи на весь этот продолжительный, а может мгновенный период пребывания на планете Земля. Хотя, если говорить о себе, как о личности, то и сами переживания, мысли, проблемы, налоги были для меня существенны. Они наполняли мою жизнь и жизнь близких заботами, тревогами, поступками и действиями.

– Ярик! – послышался раскатистый окрик, влетевший в мою комнату, один-в-один, как приливная волна, плеснувшая на берег моря потоки пенной воды. И входная дверь, скрипнув плохо смазанными петлями, впустила в однокомнатную квартиру мою мать.

«И чего только людям не сидится дома», – пронеслась в моей голове столь недовольная мысль, услышав которую, непременно, сотряслись бы стены самой квартиры и тягостно вздрогнул дома. Уж, таким я оказался раздраженным.

А все потому как не любил, когда назойливо и столь настойчиво прерывали мои рассуждения о существующем мире и нахождении в нем человека – венца творения, а проще говоря, меня как такового.

Меня, Ярослава Степановича Мережко, тридцати двух лет от самого, что не на есть рождения. В данный момент времени находящегося в разводе, имеющего десятилетнюю дочь, родителей, кучу родственников в разных городах и селениях нашей необъятной страны, подрабатывающего то там, то сям, а если честно сидящего на шее отца и матери.

«Избалованного эгоиста и бессовестного хама», – как утверждала моя бывшая Маришка.

«Просто не нашедшего себя в этом жестоком мире бизнеса и денег, милого мальчика», – как оспаривала первое утверждение моя мать, Анна Леонидовна.

Впрочем, говоря откровенно, Маришка в отношении меня была более справедлива, чем мать. Ну, что сказать, мать – есть мать, всегда старается оправдать собственного ребенка. Даже если тот, с очевидностью, этого не заслуживает.

Когда-то мне прочили хорошее будущее. И не потому как удачно окончил школу (дело в том, что учился я посредственно и, как это не звучит прискорбно числился троечником), а потому как поступил в очень даже элитный университет. Завершив обучение в котором, с меньшим количеством троек, я получил престижную специальность – экономист.

Но экономика, как и бухгалтерия, и всякий там менеджмент, маркетинг оказались для меня не интересны, скучны, точь-в-точь, как в свой срок, предметы по ним. Поэтому во все

последующие годы, после окончания университета, я пытался найти себя в разных областях деятельности. Пробуя собственные силы не только в бизнесе, строительстве, образовании, но даже торговле видео- и аудиоаппаратурой на рынке. Однако все мои старания не получили обещанного результата. Бизнес развалился, еще не успев начаться, стройку я бросил, потому что сильно простудился, из школы ушел, потому как не выдержал воплей учеников, а с рынка так как поссорился с работодателем.

Поэтому остановившись в поисках себя и своего места в жизни, как облегченно вздыхая, говорили родители, я наконец-то «взялся за ум», а именно устроился работать водителем в автопарк. И хотя, мой отец, Степан Ярославович, всегда мечтал, чтобы я пошел по его стопам, и, сменил в свой срок на посту главного экономиста на электромашиностроительном заводе, сейчас был рад тому, что сын его хотя бы «крутит баранку».

– Ярик! Сыночек! – вновь послышался голос матери, теперь слышимо сместившийся дальше по прихожей и явно долетевший из кухни. Если Анна Леонидовна решила дозваться, так и будет продолжать этот бесконечно-переменный зов. Подобным образом, судя по всему, она хотела вывести меня из себя. Потому что знала, такие призывы, как и слова «сыночек», «милый», «родной» меня раздражают лет этак с четырнадцати.

– Ярушка, ты дома? – это начинало уже злить. Так как «Ярушка» находился также в списке запретного использования.

Хотя если говорить о том, что меня злило и раздражало, надо заводить блокнот и записывать. Потому как не найдя покоя в жизни, как работника, человека, мужчину, я в том обвинял своих родителей. Не правда ли, проще всего, обвинять тех, которые тебя любят. Искать в них первопричину собственной лени, эгоизма, хамства. Их, мать и отца, отправивших меня учиться на экономиста в элитный университет, отмазавших от армии, заставивших жениться на Маринке.

Видимо, с Маринкой это было самое беспечное и, одновременно, подлое в моей жизни. Потому как женился я на ней по залету, никогда не любил, не окружал (как положено) заботой, теплом, нежностью. Не очень-то баловал я и собственную дочь, внешними данными, точь-в-точь, походящую на свою мать, и взявшую от меня только зелено-карие глаза. Впрочем, Аленку я люблю, и это несмотря на то, что раз в две недели приходя ко мне в гости, она с порога заявляет, однозначно, повторяя слова моей бывшей:

– И когда, наконец, папочка у тебя появятся деньги, мне нужно купить новую Барби.

Неприятно, доложу я вам, слышать от малявки такое, хотя и привычно, не в плане дочери, а в отношении честности.

– Никогда! – незамедлительно откликаюсь я, в том не изменяя своему приветствию. – Потому что деньги, есть наивысшее зло нашего мира! На Земле от этих денег и неумеренного желания людей иметь их больше положенного и творятся все беды. – Я смолкаю на миг и смотрю теперь сверху вниз на эту маленькую девочку и назидательно говорю, – знаешь, Аленка, был такой немецкий философ, экономист, социолог Карл Маркс который сказал: «Нет такого преступления, на которое бы не пошел капитал ради трехсот процентов прибыли».

Дочь стоит возле меня, хлюпает своими длинными, темно-русыми ресницами и молчит. Еще бы, ее папа (не больно балующий своим вниманием) произнес такую длинную и умную речь, загрузив какими-то цифрами, малопонятными выражениями, а она всего-то и попросила, что новую Барби. Я так говорил, однако, не потому как считал деньги тем самым злом, просто наверняка знал, что дочурка, вернувшись домой, передаст мною сказанное своей матери. И тем самым вызовет в ней бурю эмоций, несомненно, негативных и направленных на меня. И хотя я их не услышу, но они будут примерно звучать так:

– Ты, посмотри только какой умный! Деньги это зло! А ничего, что дочь раздета, разута! Ничего, да, что скоро не чем будет ее накормить! Что с его копеешными алиментами по миру

скоро пойдешь милостыню просить! Избалованный эгоист и бессовестный хам, каким был, таким и остался!

Интересно и откуда человек только берет такие сравнения – разута, раздета, кормить не чем. Точно у нас не двадцать первый век, а прямо-таки крепостное право, феодализм, когда и впрямь люди ходили по миру, собирая на хлеб насущный.

Но если говорить о Маринкином ко мне отношении, то по некоторым пунктам она была права. Хотя относительно того самого хлеба насущного основательно привирала. Оно как ей помогали в воспитании Аленки не только ее, но и мои родители. Как говорится не чаявшие души в нашей дочурке. Да и я стабильно отдавал положенные двадцать пять процентов от заработка.

Мало?

Ну, на тот самый хлеб, несомненно, хватит.

– Ярушка! Ты дома? – прозвучал вопрос уже в проеме дверей и мать, очевидно, выгрузив в холодильник продукты, вошла в комнату. Только увидев меня, мгновенно замерла, боясь вспугнуть мой сон и тем потревожить своего переростка сыночка.

Я едва-едва приоткрыл правый глаз, образовав в нем тончайшую щель, через которую не только комната, но и мать просматривалась туманно-растянутой. А сам вдавил голову в подушку, слегка прикрыв наблюдение для левого глаза, так как лежал на тахте именно на левом боку. Сам дверной проем в комнату располагался диаметрально тахте, и в шаге от него, уже нарисовалась фигура матери.

Невысокая с присущей русским женщинам полнотой, мать даже не сняла удлиненную мутоновую шубу и шапку торопясь поскорей выгрузить принесенные припасы собственному наследнику, или точнее лоботрясу сыну. В молодости, да и зрелом возрасте, Анна Леонидовна была красивой женщиной. И лет до четырнадцати я считал ее идеалом женщины, любя безоговорочно и искренне. Но первая моя любовь к девочке Кате, в седьмом классе, единым махом разрушила и мою нежность к маме, и признание в ней идеала. С того времени, я перестал называть ее мама, мамочка, мамуся, по большей частью используя в обращении к ней сухое «мам», за глаза неизменно именуя «мать». Впрочем, и сейчас в свои под шестьдесят (как говорил я) Анна Леонидовна сохраняла остатки прежней красоты. И ее удлиненная форма лица, с закругленным подбородком, где на лоб, скулы и челюсть отводилась одинаковая ширина, и высокий лоб с округлой линией роста волос, выдавали на нем пусть не идеальные, но очень приятные для взгляда линии. Мать и в молодости всегда имела густые, темно-русые, длинные волосы (несколько убеленные с возрастом) которые закалывала в шишку почти на макушке, или заплетала в толстую косу, потому и теперь, следуя привычке, не состригала. Короткие и тонкие брови ее едва замечались над крупными с зелено-карими радужками глазами, где сами уголки были словно скошены книзу, теряясь в тончайших морщинках. Костлявый нос, переходящий в лоб без привычного выделения переносицы даже в молодости не портил Анну Леонидовну, придавая ей какой-то греческий профиль, а тяжелый подбородок и вовсе усиливал ее сходство со знаменитой древнегреческой скульптурой Венеры Милосской.

Придавали сходство в юности, молодости, зрелом возрасте, но не сейчас. Так как теперь белая кожа лица матери более не была так нежна, тонка, а череда морщинок, не только возле глаз, но и рта, лба, указывали не то что раньше Анна Леонидовна чаще смеялась, чем теперь в старости. Очевидно, не ведая, что преподнесет со временем ее любимый, единственный сыночек. Ее красавчик, умница, чудо! К тридцати двум годам не прекративший собственных мытарств по жизни.

Блекло-розовые губы, с выступающей верхней, матери дрогнув, растянулись в улыбке, ведь она очень меня любила, и всегда была рада увидеть. Хотя частенько данные чувства не могла демонстрировать. Во-первых, ее в том пресекал отец, сказывая, что именно ее политика «сюсюканья» испортила в сыне человека. А во-вторых, никогда не жаловал проявления

тех чувств я сам. То ли будучи по натуре жестоким, то ли истеряв само понимание нежности в тот самый миг, когда почувствовал себя слишком взрослым.

Нежность я не допускал даже к дочери, не говоря уже о родителях, бывшей супруге. Определенно, именно моя жесткость и стала в свой срок причиной развода, когда Марина собрав вещи в сумки, попросила меня уйти. Вряд ли тому первопричиной были мои метания и нехватка денег, то, что любая любящая женщина выносит и не раз за свою жизнь от мужа и отца собственных детей.

– Ярушка, ты спишь, сыночек? – голос матери понизился до проникновенного шепота. Она, естественно, пришла, чтобы поговорить, но увидев, что я сплю, не решилась побеспокоить, разбудить. И в том, как всегда, проявляя удивительное чувство любви, нежности, заботы. Того, что к своим тридцати двум годам должен был делать в отношении собственных близких я. Должен был, но никогда не делал. И то благо (как говорил отец), что я это умел признавать.

– Ну, спи! Спи мой милый, сыночек, – и вовсе еле восприимчивым шорохом донеслось до меня, а я, в ответ, погасив в правом глазу и ту тончайшую щель, неподвижно замер. Надеюсь, что мать уйдет, и я останусь, как и намеревался один, точнее сам с собой. – Позвони только нам с папой вечером, а то мы волнуемся. Ты два дня не отвечал на наши звонки, потому я и приехала, чтобы тебя проверить.

Шорох перешел в слабое шелестение, так уж Анна Леонидовна бесшумно разворачивалась, покидая комнату, боясь разбудить своего великовозрастного сыночка. Впрочем, ее движение слегка отдавались поступью ног по ламинату пола. Она, конечно же, ожидала, что я проснусь, остановлю ее, может даже поговорю.

Но я не остановил. Не окрикнул и даже не подал виду, что слышал ее, видел. А все потому как хотел остаться в квартире один!

Глава вторая

Такое желание, побыть одному, появилось у меня сравнительно недавно. Однако предшествовало тому (это я осознаю) достаточный временной промежуток. В котором я искал работу, ел, пил, спал, имел близость с моей бывшей, выяснял отношения с ней, разводился, спорил с родителями и начальством.

Одним словом – жил!

Хорошо ли, плохо ли... Просто-напросто жил, как и миллиарды других людей населяющих голубую планету Земля, проживающих рядом или совсем удаленно, на соседнем континенте Африка.

Естественно, что жил я по большей степени не задумываясь о смысле жизни, скоротечности времени. И в том возможно черпал свое счастье. Потому как если человек не умеет любить или не знает данное чувство, он не задумывается о завтрашнем дне, не беспокоится за близких, не старается окружить их заботой, попечением. Несомненно, возводя свои желания и мечты в приоритет исполнения, и тем самым неизменно демонстрируя собственный эгоизм. И как итог в том предпочтении личных интересов над интересами родных, друзей черпая спокойствие и счастье.

Я бы таким и остался. Спокойным, холодным эгоистом. Бессердечным, как еще можно выразиться, если бы порядка двух лет назад не стал видеть необычные сны. И вместе с ними не то, чтобы меняться, первоначально лишь задумываться.

Джим Рон, американский оратор, автор многочисленных книг по психологии, когда-то сказал: «За одну ночь нельзя изменить жизнь, но можно изменить свои мысли так, что они навсегда изменят твою жизнь». Это, естественно, звучало слишком амбициозно, но стало похоже на правду. Только в моем случае мне понадобилась не одна ночь, а не меньше этак пятисот. Хотя говорить, что у меня изменились мысли, было бы тоже неправильно, просто с течением тех снов, очень медленно, неспешно менялся я. Сначала отдаляясь от родителей, супруги, друзей. Потом замыкаясь в себе, своих мыслях, ощущениях. И вот я подошел к тому периоду, рубежу, когда просто-напросто наблюдать сами сны стало для меня слишком малым. Мне хотелось, желалось большего. И мне казалось...

Нет! Я был уверен, что это большее могу сделать...

Однако если говорить о самих снах, то их можно было обрисовать сравнением – странные.

Сны мои и впрямь были необычными. Эту необычность создавало мое в них нахождение. Когда не то, чтобы ты видишь себя со стороны, или принимаешь деятельное участие во снах. Когда ты находишься в чужом теле (на вроде второй души, личности, мысли) и наблюдаешь за происходящим изнутри. Слегка даже касаясь мыслей, личности, души того человека.

Я всегда попадал в одно и тоже тело, и всякий раз располагался внутри головы в непосредственной близости от глаз. Потому что наблюдал за происходящим, однозначно, за счет глаз этого человека или видел проистекающие события в их отражении. Точно, в том я не был уверен, потому как сначала это были очень короткие кадры и зачастую прикрытые туманными испарениями.

Впрочем, и даже в той краткости времени и туманности их наблюдений я подмечал, что вижу одних и тех же людей, жилища, местность. Впоследствии, время моего нахождения в другом теле увеличивалось, а может я и ошибаюсь, потому как туманность восприятия не позволяла заметить те четкие границы пребывания в нем сопоставив их с минутами, часами Земли. Интересным фактом являлось то, что вначале моего перемещения, будем покуда это действие именно так называть. Так, вот! В самом истоке мое перемещение в основном происходило перед самым пробуждением. И толчком к возвращению всегда служил пиликающий звонок

будильника. Слыша который я прямо-таки обрушивался в собственное тело откуда-то сверху, словно прилетая. Ощущая, как вибрируя, подергиваются мои конечности, и широко раскрываясь, торопливо заглывает воздух рот.

Позднее, как раз когда (как мне казалось) начался процесс моего более продолжительного нахождения в другом теле, я понял, что перемещаюсь сразу после засыпания. Видимо, в первой фазе сна, когда дремота приводит к расслаблению мышц, уменьшению частоты дыхания и снижению ритма сердцебиения и человек (как считают ученые) находится на рубеже реальности, в состоянии домысливания произошедшего с ним за день и способен видеть сноподобные образы, галлюцинации.

Почему я так думал?

Не могу ответить. Иногда ты просто знаешь ответ, без всяких доказательств, разумных аргументаций различных практик и выводов.

Я просто-напросто знал это, и все тут.

Галлюцинации, сноподобные образы и даже полусонные мечтания, по-другому совершающиеся со мной никак и не назовешь. Наверно, я видел то, что очень хотел. И осознанно к этому стремился. Беда только, что утром я напрочь забывал увиденное. В памяти оставался густой туман событий, порой, словно блеклые кадры из кинофильма, прокручивающиеся перед мои взглядом днем.

Откуда же я помнил, про эти сны. Все просто. Крайне редко, я просыпался в ночи и тогда с невообразимой четкостью перебирал в памяти увиденное, услышанное. Будучи уверенным, что всегда попадаю в тело юной девушки, со странным именем Виклина. Девушки, которая чаще общается с пожилой женщиной и красивым, молодым мужчиной. Иногда я даже воспроизводил их имена: Синя и Беловук. Впрочем, стоило мне повторно уснуть, как наутро все мною увиденное заволакивалось туманом, становилось опять неясным, нечетким или только удаленным.

Имена-то я запомнил потому, как пробудившись раз ночью, сумел их записать. Только это касалось имен женщины – Сины и мужчины – Беловука. Имя девушки, в тело которой я перемещался, помнил без всяких подсказок. Оно как к собственному удивлению чувствовал к ней тепло, поразительную такую нежность, непривычную мне тягу, позабытую или никогда ни к кому не испытываемую.

Мать же свою я выпроводил по простой причине. Я хотел в эти праздничные, новогодние деньки, представленные нам государством и выделенные начальством автопарка испробовать одну процедуру, так сказать. Словом я хотел войти в такое состояние, чтобы не просто побывать в теле Виклины, а, непременно, данное пребывание запомнить. Хотел создать более крепкий сон в самом его начале. Ну, тот, который называют еще быстроволновой или парадоксальный. В такой момент считалось, человек и видит сны, и если его разбудить он сможет рассказать, чему стал очевидцем. При быстром сне человек как бы полностью обездвижен, а сердце и дыхание наоборот усиливают собственную деятельность.

Как можно понять с моей стороны это были только домыслы, пробы, эксперименты, не более того. Поэтому прошедшие два дня после наступившего нового года, я усиленно пил. Притом я все же позаботился о родителях, поздравив их с праздником и предупредив, что дома меня не будет, так как уеду к друзьям за город. Потому со стороны матери это был так сказать не правомерный наезд на меня.

Однако если вернуться к проводимым опытам, несмотря на выпитое я не сумел переместиться в тело Виклины. Из того, что я запомнил во сне так лишь плывший сплошной и почему-то черно-синий туман. В котором удалось разглядеть, а значит, и запомнить множество тонких, нитевидных линий. Поблескивающие красным цветом данные линии переплетались в единую сеть, а в местах стыка поражали взгляд ярчайшими, желтыми проблесковыми маячками.

Короче эксперимент со спиртным провалился. Так как красная сеть с маячками была интересна, но совсем не отвечала моим ожиданиям.

Поэтому сейчас я решил перейти ко второму этапу практических испытаний. Оттого и замер на тахте, притворившись спящим и ожидающим ухода матери.

Чуть слышно звякнул ключ в замочной скважине входной двери, оповещая меня, что в квартире я остался один. А я продолжал лежать неподвижно, и даже не открывал глаза, словно боялся того, что мать передумает и вернется, тем своим приходом разрушив мои эксперименты, планы. Все, что сейчас увлекало много сильнее, чем какие-то разговоры о работе, еде, вреде спиртного, дочери или бывшей супруге.

Я, почему так хотел запомнить происходящее со мной во сне. Потому что мне казалось (уж и не знаю, как это объяснить), что перемещаясь, я попадал в какой-то другой город, страну, может даже мир. В общем, Виклина жила, где-то в ином месте.

«В сказочной, солнечной стране», – порой шутил я.

Почему так шутил?

Потому как те сны были наполнены таким ярким, солнечным светом и теплом, что я приносил его сюда, и какое-то время даже ощущал жаром на кончиках пальцев. Не только на руках, но и на ногах.

Прошло уже достаточно времени, когда я открыл глаза. За тот срок, что я лежал неподвижно, и, таясь от звуков, мать могла не только, преспокойно, спуститься с шестого этажа на лифте, но и с легкостью, минуя снежные заносы, дойти до троллейбусной остановки, которая располагалась в квартале от моего дома.

Стоило мне открыть веки, как в левый глаз заглянуло полотно бело-розовой ткани наволочки, в которую была обряжена подушка. Сейчас почему-то именно ткань наволочки выступила на передний план. И взгляд проскользнув по ней направился вниз, с намерением остановиться на расположившейся на полу, возле тахты, черной эмалированной чашке полной воды и лежащей рядом упаковке снотворных таблеток.

«Фу!» – гулко и вслух выдохнул я. Радуюсь тому, что мать не заметила таблетки и, одновременно, проверяя громкость звука в своей квартире.

Звук, однако, не отозвался эхом. Эг, потому как квартира была не плохо обставлена.

Относительно же снотворных таблеток так эта стало второй частью эксперимента, к которой я заранее подготовился. Узнав, что данные таблетки хоть и обладают побочным эффектом в виде быстрого привыкания, способны углубить сон и облегчить процесс засыпания.

Углубить сон, а именно сделать то, чего я и добивался. А по поводу привыкания, так я не собирался использовать таблетки постоянно, только раз, так сказать в виде эксперимента.

Эти таблетки мне посоветовал и дал мой друг Владислав, неплохой такой врач, работающий в областной больнице в детской хирургии. Влад был другом детства, мы росли с ним в одном дворе, учились в одном классе, любили одних девочек. Только он в отличие от меня вырос, а я походу так и остался в подростковом возрасте.

«Не собираясь взрослеть и брать ответственность за жизнь свою и близких», – как глубокомысленно утверждал мой отец, неизменно выбирая в пример Влада. Можно было, конечно, обозлиться на отца и Влада, но я и тут сберег присущий мне эгоизм. Не пожелав его растративать на споры со Степаном Ярославовичем и разрыв отношений с другом, не раз выручающем меня из беды.

Я слегка потянулся, стараясь растеребить сведенную от неподвижного, неудобного лежания спину, и вместе с тем понимая, что сам еще живу, существую. Так как перемещаясь в тело Виклины никогда не ощущал себя действующей личностью, ею или собою, находясь там в состоянии статичности, вроде подглядывая за девушкой.

А секунду спустя резким движением скинул с себя одеяло, и, поднявшись с кровати, сел. Также стремительно я развернулся, и, спустив ноги с тахты, уперся подошвами в кофейный

ламинат, покрывающий пол в комнате, так точно одним мигом обрел способность к движению. И лишь потом огляделся.

Моя однокомнатная квартира представляла собой: кухню с выходом на застекленную лоджию, прихожую, совмещенный туалет и ванну, и одну большую комнату. Она была обставлена небольшим количеством мебели, не потому как мои родители, заполняя ее, скупались, а потому как на том настоял я сам.

Центральное место в жилой комнате занимала широкая тахта, с двумя спинками имеющая короб для постельных принадлежностей. Спинки, как и само спальное место, были обтянуты бежевого оттенка тканью. Тахта для меня оказалась незаменимой вещью – удобной для сна и занимающей мало места. Она поместилась возле стены (разделив саму стену на два пространства) противоположной дверному проему в комнату, можно даже сказать диагонально ему. Напротив тахты на стене висела плазменная панель диагональю 42 дюйма с отдельно купленным ТВ-тюнером, комплектом акустики и DVD-плеером. Отец мой был почитателем хорошей техники, поэтому не жмотился, приобретая ее и мне. Под плазмой располагался стеклянный столик под DVD и диски.

Тахта своим месторасположением, с одной стороны (и это возле окна) касалась темно-коричневого кожаного кресла, а с другой подпирала (втокнув в сам угол) компьютерный стол с необходимыми полками и отсеками, в которых стояли монитор, системный блок, МФУ, колонки, сканер, мышь и клавиатура. Естественно, компьютерное кресло у меня было кожаное с эргономичной спинкой и механизмом качания.

Шкаф-купе я согласился иметь только в прихожей, благо она оказалась просторной. Впрочем, в комнате в параллельном компьютерному столу углу находился пенал, хранящий постельное белье, полотенца и личные вещи. Он по большей частью прятался за открытой дверью, точно боялся меня. Оно как я его не раз намеревался выставить из комнаты. Однако мать опять же неизменно настаивала на его присутствии возле меня, словно стража оберегающего мой сон, и я уступал. Зная наверняка, лучше уступить, чем бесконечно выслушивать поучения Анны Леонидовны. Именно по данной причине я согласился с дизайном самой комнаты, где обои цвета бамбука переливались бриллиантовым блеском за счет люрексковых нитей. Это были дорогие обои, как и натяжной, перламутровый потолок с дополнительным потолочным выступом, расположенным над тахтой со встроенными в него светильниками.

Ремонт в моей квартире делали родители, точнее за него платили, оно как в свой срок (после развода с Маринкой) покупали мне жилье. По этой причине ремонт и дизайн квартиры был выбран ими.

Впрочем, меня итак все устраивало.

Взгляд мой скользнув по обстановке комнаты, сейчас замер на окне, прикрытом плотными темно-коричневыми гардинами. Я резво поднялся с тахты, и, подойдя к окну, отдернул влево гардинное полотно. И мне в глаза мгновенно ударили широкие лучи солнца, прошедшие сквозь двойной ряд стекол металлопластикового окна и сетчатую тюль. И все еще поигрывающие отдельными снежинками, чьи собратья плотно укрыли землю и наш не больно крупный, хотя и почтенный город в средней полосе России.

Наверно, мне это показалось, но в сиянии желто-белого, солнечного сияния, изредка порхающие снежинки своими многогранными лучиками вызвали игру света, которая вспыхивала отдельными огоньками схожими с каплями росы или искорками костра. Их неспешное реяние, где-то там, в холодном потоке воздушных масс, чудилось таким отстраненным и неторопливым, как и сам этот миг моей жизни, в котором было даровано редкое душевное одиночество, не в смысле покинутости, лишь тишины.

Эту тишину, или возможную неторопливость хода жизни я как-то раньше не замечал, не потому что спешил жить, просто никогда о том не задумывался. Прожигая собственные

годы частенько вечерами за компом в играх или с малознакомыми товарищами, девчонками в ночных клубах.

Развернувшись, я неспешно вернулся к тахте, и, наклонившись, поднял с пола пачку таблеток и чашку, внутри которой, также в преломлении лучей, колыхнулись и вовсе отдельными крохами света капли воды. От резкого того наклона в глубинах моей головы, что-то болезненно сжалось, а в животе тягостно качнулись остатки выпитого или переваренного. Мне, походу, лучше было бы сейчас выпить, что-либо от головной боли и тошноты, а не снотворное. Но я экспериментировал, совершенно не задумываясь о собственном самочувствии, состоянии здоровья или побочных действия самих опытов. В том, не столько бравидура хорошим здоровьем, сколько ни о чем не размышляя. Оно как в тридцать два человеку присуще состоянию вечности самой жизни и мало кто думает о последствиях выпитого, выкуренного, съеденного. Я не говорю, конечно, о тех, кому со здоровьем не повезло, кого коснулась беда, в виде серьезного заболевания, или того, кто с этим заболеванием, болью, недостатком живет долгие годы. Говорю о таких выёживающихся лоботрясах, как я, которые косили от армии не по причине хвори, а потому как были слишком дороги своим родителям.

Медленно я принялся извлекать себе на ладонь таблетки из упаковки в количестве пяти штук. И количество, и сами действия я обмозговал уже давно. Думая, примерно так: «Пять или шесть таблеток, очевидно, сделают мой сон более крепким, и может я смогу запомнить происходящее со мной в теле Виклины. Потому как буду спать намного дольше».

Дело в том, что мне казалось, это именно из-за короткого промежутка времени нахождения во сне, я не запоминаю происходящее. Поэтому первоначально в эксперименте был принят алкоголь, затем таблетки.

Наконец, таблетки были отправлены в рот, я их заглотнул, даже не запивая, а после, подумав, добавил туда еще одну, и лишь потом выпил воду из чашки.

Полупустую пачку я, наклонившись, сунул под тахту, имеющую такие маханькие ножки, едва приподнимающие само дно над полом. Туда было сложно засунуть обертки от конфет, огрызки или шкурки от мандарина. Уверен, что мать в свой срок приобрела эту тахту именно из-за того, что я был и остаюсь большим любителем захламлять пространство под кроватью и креслами всякими отходами, порой дурно пахнущими, или мумифицирующихся. По этой причине в моей квартире отсутствовали какие-либо паласы, ковровые покрытия и даже малые половички. Чего там говорить, был я, так сказать, свином и не находил ничего зазорного в том, где спать – там потом есть и пить.

В этот раз я, однако, сунул пачку из-под таблеток под тахту, чтобы пришедшие ко мне (не важно, родители ли, друзья ли) не подумали, что я решил отравиться или там покончить с собой. Впрочем, по мне, конечно, не скажешь, что я могу даже подумать о прекращении жизни, не то, чтобы такое осуществить. Так как очень себя любил, будучи эгоистом.

Любил я не только себя изнутри, ну, там душу, личность, мысль, но и свое тело. Оно как был достаточно интересным. Как считали женщины обаятельным, красивым мужчиной.

Хотя ростом я не очень-то удался, по юности за то переживая, но потом вроде как смирившись. И мои метр сто семьдесят два меня не портили. У меня было крепкое телосложение, не атлетическое, конечно же, присущее людям занимающимся спортом всю сознательную жизнь, но и хлипким я не смотрелся. Эт, потому как в детстве занимался плаванием, подавал надежды и даже имел второй юношеский разряд, но когда почувствовал свое взросление (лет так в четырнадцать) решил, что спорт отвлекает меня от более насущных проблем (любви к девчонкам, болтовни и сидения с парнями на скамейке) и бросил его. И это только благодаря плаванию я не смотрелся щуплым дистрофиком, доходягой, а нравился женщинам своей крепкой, коренастой фигурой.

Мои русые волосы, отдавали легкой рыжиной и, чтобы пацаны в школе или во дворе не обзывались, меня с детства стригли очень коротко, оставляя лишь на макушке стоящие

торчком их остатки. Лицо в отличие от матери у меня имело несколько ромбовидный вид, где скулы располагались высоко и сразу обращали на себя внимание собственной шириной. Притом лоб и несколько заостренный подбородок имели коническую форму. Дело в том, что я был очень похож на отца, взяв от него и короткие, густые брови и форму маленьких глаз с длинными и острыми уголками, и широкий с плоской спинкой и заостренным кончиком нос. От Анны Леонидовны я всего-навсего, что и унаследовал так это зелено-карие радужки глаз, да большой рот с выступающей верхней губой.

Однозначно, я себе нравился. Даже более того, я себя любил. А, как иначе, ведь если сам себя не будешь любить – никто не полюбит. Это я, таким образом, перефразировал знакомое изречение. Оправдывая собственное поведение, отношение к близким тем, что говорить самому себе комплименты полезно для повышения собственной самооценки и, одновременно, оправдывая грубость к родным. Точно забывая истоки традиций воспитания, поведения, где всегда почтение к старшему, родственнику, супруге считалось достоинством, и тем самым предоставляло возможность для нравственного, духовного и интеллектуального роста. И в том, походу, полностью становясь современным человеком. А проще говоря, избалованным эгоистом и бессовестным хамом, как правильно подмечала моя бывшая супруга, Маринка.

Допив воду, я направился к телевизору, и, поставив на расположенный под ним стеклянный столик под DVD и диски пустую чашку, нажал кнопку включения на дистанционном управлении. Запустив работу не только телевизора, но и DVD. Вообще я любил смотреть документальные фильмы, про природу, укладываясь спать. Под легкую и приятную музыку, неспешные и умные пояснения ведущего всегда быстро засыпая.

Быстро! Эт, верно, оттого, что как таковых проблем и не имел. А кредиты, налоги, да и чего там скрывать алименты мне всегда помогали уплачивать родители. Видимо, в этом слишком меня любящие. Не имел проблем и обладал чистой совестью.

Про совесть я пошутил, оно как несмотря на любовь к себе, еще какую-то подростковую, так и не повзрослевшую, понимал, что зачастую мои поступки к родителям, супруге, дочери, родственникам можно озвучить, как свинские, не благодарные. И, кстати, это понимание, во мне появилось не так давно. Как раз с тех пор, как мне стали сниться эти странные сны. Словно соприкасаясь с Виклиной, я черпал от нее нечто иное, не похожее на меня, не имеющее с моим поведением, отношением ничего общего. Походу, даже противоположное, антагонистичное моему.

Покуда я возвращался к тахте застеленной цветастой простынею, на которой лежала большая подушка и одеяло на пуху, плазменная панель разом явила картинку из фильма. Сероватость неба на которой с пухлыми, один-в-один, как вата бурыми тучами прикрывалась веткой дерева. Зеленая листва на ветке едва трепыхалась и легкие порывы ветра все поколь не могли сорвать и отдельные из них. Пусть и не молодых, но еще имеющих силу, а может даже и возможность роста. Их лощенная поверхность блеснув, ослепила мои глаза, в тот самый миг, когда я присев на тахту, глянул на экран.

От этого мощного сверкания у меня мгновенно зарябило в глазах, и вновь прострелила болью голова. Впрочем, я еще успел улечься на тахту, кажется, подсунуть под подушку левую руку, зажав ее угол в ладони и подумать, что мешать спиртное и снотворное было не лучшей идеей.

Еще раз или два я блякнул веками, стараясь сообразить, что со мной происходит и почему на смену серо-бурому небу и сучковатой ветке с зеленой листвой пришло ослепительное бело-желтое сияние света, словно заглянувшего мне в лицо солнца. А потом свет также неожиданно сменился на плотную темноту, в которой я, кажется, утонул.

Глава третья

Темнота, черно-махровая такая, похоже, правила недолго. А может и долго, кто ж знает? И как это можно определить. С очевидностью, никак. Впрочем, когда она еще не прошла, а чуть поблекла, я внезапно стал ощущать себя целостным, живым. Вроде находясь в этой тьме, окончательно пробудился. Мне показалось, я даже стал озираться, стараясь понять, где нахожусь и что тут вообще забыл.

И тотчас, стоило мне немножко обвыкнуться, темнота сменила цвет с черного на серый, покрывшись сверху сетчатой тканью, по форме и рисунку напоминающей снежинку. И лишь я увидел снежинку, как моментально понял, что стою и притом четко смотрю вперед. Относительно, снежинки, представшей передо мной, она гляделась не ажурной, которую вырезали из бумаги, а была похожа на ледяной кристалл в виде звезды имеющей шесть лучей. Ее круглая середина была дополнительно графлена линиями, а сами лучи держали на кончиках еще более тонкие хвоинки. И каждая такая хвоинка в свою очередь завершалась яркой крохой света. И если снежинка, ее разлинованный центр, лучи и хвоинки переливались голубо-серебристым оттенком, то крохи света мерцали синими огоньками.

Как мне почудилось, немного погодя, эти мерцающие огоньки поддерживали определенный порядок подачи света. Вначале загорались огоньки, удаленные в отношении ко мне, и лишь на верхнем луче, степенно к ним присоединялись более близкие, неизменно спускаясь по часовой стрелке вниз. Время спустя, свершив, таким образом, круг, они вновь останавливали движение и сияние на верхнем луче.

Я смотрел, не отводя глаз на саму снежинку, и следил за движением огоньков, неожиданно для себя принявшись считать. Так, точно мой голос, подстраиваясь под танец огней, выбивал определенный ритм, переводя его в количественный порядок.

«Раз, два, три, четыре...» – повторял я, и как мне казалось, уже минутой спустя, опять начинал сначала. Этот головокружительный счет продолжался до тех пор, пока я не заметил, что поверхность снежинки перемещается ко мне, в частности к лицу, несколько сжимаясь в размерах. Будто подсчетом я ее приманил или только загипнотизировал.

Покрывало снежинки, зрительно колеблющееся, как при дуновении ветра, наконец, коснулось моего лица, и, пройдя насквозь кожу, мясо, кости дернулось вверх, походу опутав мозг. Однозначно, я смог ощутить, как полотнище снежинки завернуло орган моей центральной нервной системы в кокон, а круглая середина (дополнительно графленая линиями) и вовсе впечаталась в заднюю поверхность моста и продолговатого мозга в задней черепной ямке, походу в сам мозжечок, несущий функции рефлекторной координации движения и распределения мышечного тонуса, а может чего-то еще, того, что поколь не выяснено учеными. Эт, почему я так сказал, оно как когда сформировалась данная оболочка, почувствовал жуткий холод. Вроде меня или мой мозг засунули в морозильную камеру, стараясь сохранить на более долгий срок, как душу, личность или только воспринимающую себя мысль.

В тот самый момент, когда возле моего мозга сформировался кокон, мерцающие огоньки внедрились в его нейроны, те самые электрически возбудимые клетки, которые призваны обрабатывать и передавать информацию, имеющие не только ядра (тело клетки), но и отростки. Наверно, потому как нейроны соприкоснулись с огнями, и тем впитали их в себя, на самой поверхности укутанного мозга проступил сетчато-ажурный рисунок снежинки, повторяющий нейронные связи, где отдельные лучи, хвоинки превратились в отростки.

Мгновенная и очень резкая боль пробила теперь все нейронные связи, отростки, линии снежинки, и видимо все тело. Так, что я, будучи в сознании сказал бы, судорожно дернулись мои конечности, и зябь боли прошлась внутри позвоночника.

Может, так и было на самом деле, но я и прежде не ощущал собственного тела, а когда мозг укрыла сетчатая оболочка, ни в чем не стал уверен. Вместе с тем, я все же почувствовал, как не то, чтобы просто мозг, а именно сомкнутое в оболочку вещество вздрогнуло, передавая электрический разряд нейронам (сменившим огоньки на поверхности снежинки) и вязкий поток плеснулся куда-то вперед, в черно-матовое пространство, схожее с ночным небом. Впрочем, в котором практически полностью отсутствовало мерцание, движение звезд или в целом небесных тел.

Мой полет, того самого, что составляло взаимосвязанные нервные клетки и их отростки, питавшихся в полотно снежинки, происходил столь стремительно, что я едва заметил, как внезапно и, одновременно, болезненно воткнулся в сияющую радужными переливами овальную массу, покрытую глубокими бороздами и извилинами. Казалось нарисовавшееся тело, изнутри едва подсвечивают сами морщинки, ложбинки, пролегли по всей поверхности, особенно густо пуская насыщенный алый цвет в местах стыка извилин.

Лишь немного погодя я понял, что вижу перед собой подобный мне мозг, точно разгоревшийся в яркости маяк, противоположный моим голубым огням-нейронам. И тотчас испытал острую боль, потому как резко вошел, вплыл в само полотнище связей, зараз дернув ногами, руками и ощутив зябь боли в позвоночнике. А после тянущее состояние в голове, которое вроде повлекло за собой веки. Так, что открыв их, я увидел над собой далекую синь небосвода, прикрытую слева кривой ветвью дерева, на которой росли продолговато-заостренные листочки, снизу смотрящиеся тускло-зелеными.

Это было высокое дерево с округлой кроной и свисающими вниз тонкими ветвями. Кору ствола вишнево-коричневую покрывало множество неровных трещин, а сама она растрескалась на толстые пластинки. Всем своим видом дерево напоминало березу, так любимую и почитаемую жителями моей страны. Лишь необычный цвет его ствола да местами черные трещины указывали на какой-то незнакомый мне сорт, а может даже и сам вид.

Легкий ветерок, едва коснувшись зеленых, гладких листочков, секундой спустя огладил мое лицо, кинув на щеку плоский, длинный лист притаившегося возле головы куста пырея. Ветер, как и само растение, были такими теплыми, нежными, будто перегревшиеся на солнце. Впрочем, в аромате, принесенном ветром, ощущалась свежесть, сохранившаяся от недавно прошедшего дождя, а что верней напитанная духом расположившегося совсем близко водоема: озера, пруда или реки.

Тишина, весь тот срок сопровождающая меня, сейчас мгновенно сменилась на множество звуков. Не только быстрый стрекот сороки и вторящий ему с разных сторон беспокойный тек-тив воробьев, но и совсем близкий чуть поскрипывающий треск кузнечика, будто вызгравшего на хорошо настроенных струнах своей скрипки. А потом до моего слуха донесся слегка воспринимаемый окрик, в котором я расслышал знакомое имя, Виклина.

И как только я уловил, распознал или осознал это имя, владевшее моими мыслями последнее время, как и та, что его носила, резко поднявшись, сел.

Сел.

Потому как до этого момента лежал, и смотрел на небосвод и ветку дерева его прикрывающую слева.

И вот только когда сел, я попытался осмыслить происходящее. Не только изменение самой обстановки, исчезновение квартиры и моей комнаты, но и смену зимнего времени года на летний период.

А взгляд мой уже исследовал местность, представшую как раз перед ним. Это была пересеченная небольшими оврагами и невысокими вытянутыми кряжами равнина, поросшая высоким разнотравьем так, что порой в зелени трав просматривались большущие голубые, белые, фиолетовые полянки луговых цветов. Покрытые столь мне привычными дубами, липами, березами и даже кленами, длинные с крутыми склонами ложбинки, разрезали равнину в основном

в поперечном направлении, порой врезаюсь в возвышенности, у которых очертания вершин, как и самих склонов, обрисовывались плавными, ровными линиями. Зелень травы по мере удаления от более возвышенного места, где я сидел, похоже, усиливала яркость и на самом горизонте входила, или всего-навсего смешивалась с тонкой ниткой лазурной реки, и вовсе оттеночным пятном сходясь с небосводом. На всем пространстве равнины, что раскинулась передо мной, как и видимо справа, слева не просматривалось каких-либо построек, технических объектов, линий электропередач. А огромный желто-белый, будто ложенный диск солнца нависал над линией горизонта сравнительно низко, касаясь лазурной поверхности реки своим нижним краешком, толь восходя на небесный купол, толь наоборот собираясь его покинуть.

Еще чуть-чуть я разглядывал этот край, соотнося его с тем местом, где жил, находя общее не только в рельефе, цветовой гамме земли, неба, понимая, что, однозначно, нахожусь в средней полосе России, когда внезапно вновь услышал раскатистый, далекий окрик: «Виклина!» Очевидно, прозвучавший зов был родственен этому месту, и доплыл из-за моей спины, слегка даже качнув меня вперед. Потому я резко оглянулся.

И увидел позади значительно более плоскую местность, словно нарочно и искусственно выровненную. Поросшая зеленью травы и цветущим Иван-чаем, равнина оказалась жилой. И я смог рассмотреть и насчитать на ней около двадцати двухэтажных частных домов и широких пересечений улиц, а также высящихся возле них линий электропередач. Сами дома стояли в три ряда на приличном друг от друга расстоянии, не имея знакомых мне оград в виде заборов, плетней, калиток.

Возле ближайшего ко мне и крайнего в первом ряду дома я сумел (несмотря на приличное расстояние) увидеть легковую машину голубого оттенка и стоящего рядом человека. Позади этого небольшого селения раскинулся еще более обширный участок суши без видимых повышений или понижений земли, покрытый травами и, где-то возле горизонта более темными пятнами леса. А может это мне всего-навсего показалось.

Показалось, что небосвод подпирали темно-зеленые, бугристые всплески почвы.

Эта равнинная часть местности в отношении той, которая раскинулась низменностью, пересеченной небольшими оврагами и невысокими вытянутыми кряжами, была отделена взгорьем, на котором сидел я. Точно вставшая стеной, цепь холмистого плоскогорья поросла отдельными деревьями, подобными тому, что выросло возле меня. Только они не всегда были рослыми красавцами, местами лишь юной молодежью.

К яркости зеленой травы взгорья также примешивались розовые соцветия Иван-чая, которые порой создавали плотные полосы, а в высоту едва достигали полуметра. Впрочем, на равнинном участке его высота вряд ли превышала двадцати-тридцати сантиметров, хотя растение сберегало прямостоячие стебли, линейные листки и кисти соцветий, не только розовых, но и красно-пурпурного, и даже белого цвета.

– Виклина! Лина! – вновь послышался зов. И теперь я сообразил, что он долетел от ближайшего ко мне и крайнего в первом ряду дома, оттуда, где стояла машина и человек. Вернее, будет сказать женщина. Это я понял, также немного погодя, когда сосредоточил на ней собственное, прежде рассеянное, внимание.

Мне, однако, не понадобилось много времени, чтобы я определил или распознал в этой женщине не раз отмеченную во сне Синю. Хотя сейчас женщина виделась не сквозь дымку, а в живую, точнее говорить очень четко. Поэтому даже из такой дали я сумел определить в ней человека пожилого. Видимо, не правильно будет сказать старика, но однозначно, женщину преклонного возраста. Скорей всего она была ровесницей моей матери, а может и постарше. Невысокого роста и в отличие от Анны Леонидовны очень подтянутая, сухощавая, живая. Очевидно, ведущая здоровый образ жизни, занимающаяся спортом или чем таким подобным. Из этой дали черты лица Сини смотрелись несколько расплывчатыми. Однако я заметил, что длина ее лица больше, чем ширина. Притом на лоб, скулы и челюсть приходилась одинаковая ширина,

а подбородок наоборот казался очень мощным, угловатым. У нее, определенно, спинка носа имела плоскую форму и большой, выпуклый кончик, а рот был не большим и не маленьким, а каким-то средним с заостренными, тонкими розоватыми губами. Такими же длинными, тонкими в виде бумеранга просматривались брови, под которыми располагались щелевидные, близкорасположенные глаза. Вроде Синя щурилась или принадлежала не к белой расе, а как пример к желтой, хотя чуть розоватый оттенок ее кожи говорил об ином. Впрочем, на то, что она все-таки являлась представителем белых, указывали соломенные недлинные волосы, передние пряди которых доходили до ключиц, а рваные кончики создавали впечатление небрежности или только модную стрижку боб. И тем обозначали, что женщина все еще следила за собой, вероятно, стараясь не отставать от веяний моды или молодых.

На это также обращала внимание одежда Сини, в виде белых свободного кроя бермуд (длинной чуть выше колена) и розовой с длинным рукавом рубашки. Ткань даже отсюда, которой смотрелась очень мятой, имеющей какой-то неряшливый вид, будучи походу льняной. Подчеркивающая фигуру, рубашка имела удлиненную модель, и покроем походила на мужскую, с маленьким отложным воротничком, пышными рукавами и широкими манжетами. Однако и тут ее подол, верхнюю часть рукавов до локтя, грудь, ворот украшала какая-то символическая вышивка или рисунок.

Я на миг представил себе в таком экстравагантном виде свою мать и гулко дыхнув, засмеялся. Воссоздав ее фигуру и то количество складок, которые залегли бы под тонкой тканью рубашки, на талии прихваченной последней клепкой. Не то, чтобы подумав о матери с теплом...

Просто подумав.

И в том, опять явив собственный эгоизм и неуважение к самому близкому человеку.

Впрочем, стоило смехом ответить на воспоминание о матери, как мгновенно внутри меня возникла горечь, осознание собственной гадости и жалкости, что ли. Так, что от тех пренебрежительных сравнений себя с гавнюком, сам собой прекратился мой смех, а на лбу выступил обильный пот. Сейчас я отчетливо ощутил не просто мокрую полосу на поверхности кожи лба, но, похоже, почувствовал каждую отдельную капельку пота. И тотчас вскинув руку, отер им лоб. И также резко замер, остановив движение правой руки возле лица, к собственному изумлению приметив, что кожа на ней не имеет привычного мне золотистого оттенка смугло-белой, а в сиянии солнечных лучей переливается розово-белым цветом.

Я медленно отвел от лица руку и неспешно повернул ее вправо-влево, отметив, что сейчас цвет не равномерен по поверхности кожи, а на ладонях и вовсе не имеет того самого розового оттенка, поражая бледно-белым тоном. Поражая собственной нежностью, тонкостью и отсутствием волос. Не то, чтобы на руке волос не имелось. Просто не имелось буйной растительности указывающей (как считали земляне) на меня, как на неутомимого любовника. Запястье руки плотно покрывал широкий кожаный браслет, который украшали впаянные разнообразной цветовой гаммы круглые с ноготь бусины, а в центре на цепочке была укреплена золотая подвеска в виде перевернутой буквы «А», только с удлиненной вершиной.

– Виклина! Лина! – вновь прокричала Синя, тем самым отрывая меня от разглядывания собственной руки, внезапно сменившей не только тон, но и тип кожи, и форму. Всем своим видом означая, что принадлежит девушке, и не просто девушке, а очевидно юной, красивой и ухаживающей за собой. Об этом говорили ее отполированные, коротко подстриженные, округлой формы ногти.

Стоило женщине еще раз призывно крикнуть и зрительно для меня качнуть головой, как я мгновенно поднялся на ноги, сделав несколько широких шагов в ее сторону. А потом как-то разом застыл на месте, будто лишь сейчас окончательно пришел в себя или осознал произошедшее перемещение. Так как зыркнув вниз увидел две стройные ножки, подобно руке не имеющих той самой мужской растительности на розово-белом оттенке кожи, до середины бедер

прикрытые легкими из белой кожи шортами, обтягивающими упругие ягодицы. И в целом красивую, пропорционально сложенную фигуру, несмотря на короткое в соотношении с длиной конечностей туловище. В теле в котором я сейчас пребывал, была относительно узкая грудь и плечи, и вспять того вытянутая шея, так, что сама голова и взгляд падал вроде как с высоты. Небольшая мышечная масса рук, ног и наличие женской небольшого размера груди, шаровидной формы с чуть приподнятыми сосками, приметными сквозь тонкий ажурный слой голубого бюстгалтера и в тон ему мягкой, легкой (видимо имеющей лишь растительное происхождения ткани) рубашки без рукавов.

Впрочем, глянув на грудь, я тот же миг отвел взгляд в сторону, к собственному удивлению ощутив стыд, точно коснулся чего-то сокровенного или сделал что-то недостойное. Поэтому я также моментально перевел собственное внимание на голову тела, в котором находился. И вскинув руки вверх, ощупал лицо, по тем легким касаниям поверхности кожи и самих его видоизмененных черт, к которым относился появившийся острый подбородок, и выраженные скулы, окончательно убедился, что нахожусь в теле Виклины.

Радуюсь и, одновременно, поражаясь тому, что сейчас могу все так четко воспринимать, владеть телом этой девушки, и, вероятно, на какое-то время заменить в ее жизни. Поэтому опустив вниз руки, и как ни в чем не бывало, не подавая виду, что я тут сторонний направился к призывающей меня, то есть Виклину, женщине.

Глава четвертая

– Лина! Может, ты, поторопишься, дорогая? – невозмутимо, несмотря на очевидное волнение, спросила Синя, когда расстояние между нами стало составлять не больше трех-четырех метров.

Все то время, что к женщине шло тело Виклины, я проверял его на реакции. Заставляя взмахнуть рукой, сделать короткий шаг или наоборот длинный. Понимая, что в этот раз нахожусь в голове Виклины, не просто как сторонний наблюдатель, а, так-таки, подменив ее в мозгу.

«Блин!» – как говорится.

Блин, потому как это было необычно и по приколу. Хотя и немного меня тревожило. Ведь, в самом деле, я ничего не знал о жизни Виклины, об этой Сине, и боялся так сказать подставить девушку. К моему изумлению тело подчинялось мне так естественно, будто я им владел всегда, не просто заместив в нем кого-то. И вовсе не ощущалось его чуждости, словно оно мне было знакомым, родным. Оно было моим. Именно по этой причине я не раз останавливался, оглядывал себя, ощупывал лицо, белокурые чуть вьющиеся волосы до плеч, имеющие достаточный объем на затылке. Смотрел на свои ноги, руки (впрочем, теперь более не зарился на грудь, столь эффектно и непривычно выступающую на ней).

По мере своего движения я оглядывал местность, находя в ней много знакомого, привычного, однотипного не то, чтобы с Землей, с моей страной, с природой средней полосы России. Я обзревал пространство впереди, домики, поселение, траву и цветущий, такой низенький Иван-чай, слегка покачивающий кистями своего цвета. И, естественно, глядел на невысокие кроссовки на тонкой, резиновой платформе одетые на стопы Виклины. Их насыщенные, неоновые цвета: синий, розовый, белый с не менее яркими шнурками, прямо-таки слепили глаза и тем самым приближали модные тенденции данной страны к тенденциозности моего мира.

Подойдя к Сине, я остановился, оставив между нами небольшой промежуток, не больше полутора метров, и наконец, смог разглядеть ее глаза. Форма их хоть и была достаточно узкой, все-таки сама женщина не относилась к представителям желтой расы, обладая цветом кожи присущим только белым людям, будучи, как и у Виклины розово-белой. Цвет ее радужек смотрелся насыщенно голубым, не растерявшим, несмотря на возраст, присущую им в молодости яркость, чистоту. Приглядевшись, я также отметил черные круглые зрачки Сини и небольшой розоватый отлив самой склеры, похоже, и придающий ту самую насыщенность радужкам. Наверно, женщина чем-то болела, поэтому склера сменила свой белый цвет на розоватый. Ну, говорят же, что при заболевании «желтуха» окрашивается слизистая оболочка глаз в желтые тона. Может и эта была какая-нибудь там «розовуха», черт возьми! Я, как говорится, не был силен в болезнях.

И с облегчением подумал, что сам не смогу заболеть, так как только временно нахожусь в теле Виклины. Однако облегчение длилось и вовсе секунду, а на смену ему пришел непривычный мне страх за жизнь этой девушки и, непременно, желание уберечь ее от неприятностей, болезней, разочарований. Удивительное такое беспокойство, ранее мне не знакомое, не присущее, что ли.

– Лина! Дорогая, в самом деле, сколько можно тебя ждать? – Синя сейчас говорила, не скрывая собственного недовольства. Может потому, как торопилась к врачу. В самом деле, каких только заболеваний не существует на свете. И чего только, я не пойму, врачи разрешают больным, с такими пугающими глазами, шляться по улицам и поселкам. Подумав так, я немедленно сделал шаг назад, чтобы увеличить расстояние между Виклиной и Синой, лишь после этого вновь замер на месте.

– Ты же знаешь, я опаздываю в Научный Центр космонавтики, могу подвезти тебя только до остановки, – продолжила говорить Синя, вводя меня в ступор, потому как в больницу она

явно не собиралась. – Если мы не поторопимся, ты опоздаешь на маглев, а, следовательно, и на занятия.

«Маглев», – повторил я про себя, слегка напрягая мою в целом мало чем занятую память, стараясь припомнить, где слышал это слово, и, что оно обозначает. А мой взгляд, тем временем соскользнув с лица женщины, дернулся влево и остановился на автомобиле. Потому также мгновенно на место ковырянию в моей памяти и поиску определения слова «маглев» пришло установление марки и модели авто. Видно, Синя являлась коллекционером, потому как передо мной стоял автомобиль из советского прошлого. Форма кузова, длина, ширина и, очевидно, высота которого относилась к четырехдверному седану Москвич 400. Малолитражки с несущим кузовом и фарами, интегрированными в крылья, будучи, однако, по конструкции типично немецким автомобилем. Возможно, это машина и принадлежала к немецкому автопрому, потому как, миниатюрная надпись на правой боковине капота была нанесена странными символами. Мне не то, чтобы не понятными, но даже никогда ранее не видимыми. Его яркий голубой цвет, как и гладкость полировки кузова, сияние дисков на колесах прямо-таки пощипывающих глаза, указывали то ли на новизну машины, то ли на редкое использование.

– Лиана, ты меня слышишь? – вновь обратилась с вопросом Синя.

И я, тотчас вернув взгляд на нее, уставившись в такие странные глаза с розоватым оттенком склеры, ответил, совсем не подумав, что говорю:

– Я не поеду на занятия. – Ну, реально, надо же было, что-то ответить. Да и не скрою, я совсем не хотел подводить Виклину, отправляясь на какие-то там занятия. И совсем не желал подвергать ее опасности путешествия с этой странной и явно больной женщиной. В смысле не хотел брать ответственность на себя, если Виклина от нее заразится.

– Что-то случилось, дорогая? – вопросом откликнулась Синя и шагнув вперед, застыла в непосредственной близости от меня, беспокойно заглянув в лицо. Ее голос звучал очень низко с какой-то бархатистостью внутри и слышался полной противоположностью голосу Виклины. Я, естественно, не обладал знаниями в области диапазона голосов и их звучания. Но голос девушки, в которой сейчас находился, мне показался очень высоким наполненный лирической легкостью, словно такой нежный, красивый от природы, а может только хорошо поставленный. Вероятно, именно такие голоса и исполняют партии фей, волшебниц, юных особ в опере напитывая саму игру силой страсти и быстрыми пассажами.

Когда Синя слегка склонив голову (так как оказалась немного выше Виклины) заглянула в мое лицо, я вблизи увидел ее глаза, где голубую радужку не просто опоясывала, а прикрывала сверху розовая склера. Она придавала самому взору женщины оттеночные полосы обоих цветов, на стыке, кажется, сотворив размазанные штрихи, так что при таком близком расстоянии стало сложно сказать голубые радужки у нее, или все же голубо-розовые. Поэтому я подумал, Синя ни чем и не больна, это просто-напросто у нее такая удивительная по цвету склера.

– Ты, последнее время сама не своя, дорогая, – нежно протянула женщина и мягко мне улыбнулась, вскинув вверх уголки тонких, розоватых губ с заостренной галочкой на верхней, одновременно, заложив несколько тончайших гусиных лапок вокруг глаз и две более значимые морщинки между бровей.

– Да, все пучком, мам, – даже не подумав, привычно отозвался я, и тут же понял, что сделал это зря. Оно как в следующий момент лицо женщины явило все доступное ей недоумением.

Я, впрочем, не специалист в понимании мимики, движений мышц лица. Но тут, как говорится и не нужно быть экспертом, чтобы понять по увеличивавшимся в размерах глазам, приоткрывшемся в волнении рту, да чуть дрогнувшим губам, что я ляпнул из ряда вон выходящее. Верно, потому Синя, уже в следующее мгновение времени, сказала:

– Лиана, да, что с тобой? – она теперь подняла руку и прикоснулась кончиками пальцев до лба девушки, очевидно, проверяя у той температуру. – Что ты и как это говоришь? Услышь себя, дорогая. И с каких это пор ты решила меня называть мамой. Ведь у нас с тобой все давно

обговорено. И я всегда была и остаюсь для тебя бабушкой. Не будем все же ничего менять, дорогая.

«Фу!» – довольно и про себя выдохнул я, не озвучивая того облегчения в слух. Хотя бы, что-то ясно. Передо мной не мать, а бабка. Походу мать Виклины с ней не живет и очень давно, раз все между этими двумя обговорено. Я еще довольно выдохнул, потому как без проблемно удалось выпутаться из сложного положения, не подставив девушку. Мне этого почему-то не хотелось делать. Я боялся подгадить Виклине, проникнувшись к ней теплыми, благодарными чувствами.

Благодарными?!

Естественно, благодарными. Не каждый же день вам предоставляют возможность побывать в другом теле, прожив пусть и совсем короткий этап его жизни.

– Ты же знаешь, дорогая, вы мне обе близки. И ты, и твоя мама, моя единственная дочь, – принялась пояснять Синя, тем самым выдавая нужную мне информацию. Теперь она сместила руку вниз и нежно всей поверхностью ладони провела по щеке Виклины, тем движение лаская и успокаивая, так сильно разнясь с моей бабкой, которая всегда старалась обнять и поцеловать.

– Да, баб... бабушка, – поправился я, точно понимая такая светлая и чистая девушка, как Виклина всех и всегда ласкает словами. – Я оговорилась, не более того. У меня просто голова кружится, поэтому я ляпнул незнамо, что.

«Тьфу, ты, в самом деле», – это я уже сказал про себя, так как вновь увидел непонимание и явную озадаченность в лице Сины, а рука ее опять дернувшись вверх, прошлась кончиками пальцев по лбу Виклины, соизмеряя мое и ее состояние. Похоже, Лина не только была мягкой девушкой, но и никогда не говорила вульгарности, все больше представляясь мне таким женским идеалом.

– Это заметно, дорогая, что ты сама не своя, – протянула Синя, опять же низко и с бархатистостью выдыхаемого, а потом улыбнулась еще мягче, нежнее. – Ты, права, Лина, стоит побывать дома. Ты, сейчас отдохни, а я свяжусь с куратором и Беловуком, дабы один знал, что тебя не будет на занятиях, а второй, – бабка прервалась, слегка приоткрыла рот, показав очень ровные, белые ряды зубов, ничего не имеющих общего со словом – старость, или вставные и засмеялась. И смех ее зазвучал также жизненно и мило, что я и сам походу улыбнулся в ответ. – А второй поддержит.

Она чуть качнулась вперед и нежно поцеловала Виклину в переносицу, и на меня сразу дохнуло каким-то медовым ароматом, то ли это так пахло мыло, то ли ее духи.

– До вечера, дорогая! Я привезу, что-нибудь вкусненькое, – дополнил она, и, отстранившись от меня, направилась к машине, на ходу щелкнув брелком. И немедля передняя дверь, этого на вид допотопного транспортного средства очень мягко отворилась. – Может быть, ты, чего-нибудь хочешь заказать? – спросила Синя, останавливаясь возле авто и развернувшись ко мне лицом, исследовательски оглядела, я качнул головой, более не намереваясь отвечать. – Ну, ладно. Тогда привезу коливо, уверена ты от него не откажешься.

Я улыбнулся еще шире (прямо-таки почувствовав, как растянулись уголки рта к районам щек) и кивнул, подтверждая догадку женщины. В самом деле, а чего я должен был сделать, не отказываться, может Виклина и впрямь любит это странное блюдо – коливо. Блюдо или напиток.

Синя, наконец, села в машину, напоследок козырнув своими ярко розовыми кедами-мокасинами, на тонкой белой резиновой платформе и тотчас дверь мягко закрылась. Не прошло и пары секунд, как чуть слышно загудел двигатель автомобиля, опустились стекла на обоих передних дверях и женщина, выставив из окна руку, легохонько махнула ею, попрощавшись со мной. Машина медленно двинулась вперед по дороге (с очевидным асфальтным и ровным покрытием) задним ходом, а я сумел разглядеть через лобовое стекло темно-синие сидения

с высокими подголовниками, придающие салону элегантный вид, ничего не имеющего общего с доисторическими корнями самого автомобиля.

Глава пятая

Наконец-то, я один.

Интересно, что сейчас это одиночество меня стало радовать. И если раньше, для меня было необходимым бывать в кругу друзей, порой забывая в том свои обязанности отца, мужа, сына. То теперь, мне частенько хотелось побыть в одиночестве. Там в моем теле, в моей жизни.

Впрочем, оказавшись здесь (пока неизвестно где) мне также захотелось побыть одному. Ясно почему.

Во-первых, я еще ничего толком не знал про Виклину, ее жизнь, и собственной грубостью, невоспитанностью не хотел подводить. А во-вторых, я, так-таки, не понял, где находился. Потому как смена времен года с зимы на, очевидное, лето указывало, что это походу не средняя полоса России, где в данный момент времени царили лютые холода. Тут же вспять поднимающееся солнце с каждой минутой пригревало сильнее. Вместе с тем схожесть и самого рельефа, и растущих растений, однозначно, указывали на мою страну.

И по причине того, что я не больно хорошо учился в школе, университете делать поспешных выводов не стал. Решив, так сказать, воздержаться от них и понаблюдать. Поэтому, когда машина бабки Сини, развернувшись на ближайшем перекрестке, и для своего почтенного возраста развив приличную скорость, сокрылась из глаз, точнее миновав крайнюю улицу поселка до конечного в ней дома, повернула направо, решил оглядеть само жилище двух женщин, как снаружи, так и изнутри. Для того, сойдя с места, медленным шагом направился к самому дому, и, пройдя широкую с асфальтным покрытием улицу, ступил на дорожку, которая была выложена в шахматном порядке двухцветной плиткой. Ярко зеленые и такие же насыщенные, желтые цвета ее поверхности лоснились в свете падающих лучей солнца, потому, казалось, сама прямоугольная плитка и вовсе не из бетона, а словно из камня и отшлифована до гладкости.

Впрочем, и находящиеся в поселке здания, как и дом к которому я шел, были сложены из камня. Точнее даже из каменных блоков не менее полутора метра в длину и сантиметров пятьдесят в высоту. Их цвет, гладкость выдавали в них не литье, а каменную структуру, какую в свой срок ровно порезали и отполировали. По виду камень был схож с мрамором и имел белый с желтоватым отливом цвет, точно расплывшиеся на воде оттеночные, маслянистые пятна. Хотя издали смотрелся все же блекло-желтым.

Форма этого дома, как и соседнего, пусть достаточно удаленного, повторяла в целом прямоугольник и смотрела на меня одной из длинных стен. Однако в собственной трети стена имела вогнутость вовнутрь самого жилища, образуя тем самым небольшую угловатость дома. Одновременно, она зрительно создавала более выступающий фундамент и закладывала угловой скос на крыше, крытую желто-серой черепицей. А сам дом за счет углового скоса крыши имел как бы два фасада. Один на каковом располагались три узких, высоких окна, крытых стрельчатыми арками, первого этажа и круглое второго. И другой в котором поместилась грубо вырубленная деревянная дверь, украшенная по собственному полотну тремя горизонтально расположенными железными копиями, с обязательным в таком случае обоюдострым железком на древке. Справа и слева от двери, и опоясывающих ее округлых деревянных, широких обналичников, висели светильники, бросающиеся в глаза своим допотопным видом, точно вышедшим из средневековья. И дело тут не в том, что они были старинными, а словно сделанными под старину, так как под их сетчатыми стенками приметно просматривалась узкие лампы накаливания. Сами мощные подвески, к которым крепились кованые четырехгранные плафоны, казались изготовленными из состаренного дерева, хранившего на собственном полотне тонкие трещинки, выемки и даже не большие впадины. Не широкое каменное крыльцо при входе в дом не было крытым, к нему вела лестница в две ступени.

Разглядывая передний вид дома, я также осматривал пространство вокруг него, незанятое какими-либо иными постройками, где земля справа и слева от дорожки, вплоть до приподнятых бордюров уличного проезда, поросла низкой зеленой травкой. Опять же отметив, что около соседних домов, как и вообще на улице, не было видно людей, хотя вдоль жилищ кое-где (прямо на дорожном полотне), так-таки, стояли автомобили.

Поднявшись по лестнице на крыльцо, я, перво-наперво, оглядел саму дверь и каменные стены дома. Деревянное полотно двери при ближайшем рассмотрении оказалось довольно-таки гладким, а железные копыя впаянными в саму поверхность, будучи как говорится заподлицо с деревом. Я взялся за круглую железную скобу, выполняющую роль ручки, и потянул его на себя вместе с дверью.

Минутой спустя, когда мои попытки по открытию двери не увенчались успехом, сообразив, что она открывается вовнутрь помещения. С осязательным толчком теперь я толкнул ее от себя, и, открывшаяся дверная створка явила передо мной небольшой тамбур, освещение в котором создавал свет, вливающийся через стрельчатое окно в правой стене. Потому, как и сами стекла имели желтоватый оттенок, и в прихожей правили те самые желтые тона.

Этот тамбур, прихожая, а может только сенцы, по размеру были небольшой комнаткой, в которой находилось, что окно, диаметрально ему стеклянная, полупрозрачная дверь, а параллельно в правом углу вешалка и скамейка с подставкой для обуви. Надо отметить, что напольная вешалка всего-то и имела, как деревянную балясину, мраморное, круглое основание и металлические рогатины-крючки, на которых висели дымчатого цвета пиджак, прорезиненный плащ с капюшоном и фетровая шляпа. Обувница-скамейка с мягким верхом для сидения представляла собой две металлические, глубокие полки, на которых стояли: пара ярко синих мокасин, и две пары розовых и желтых, кожаных сандалий. Стены в тамбуре были все также каменными, а потолок и пол деревянными, собранными из диагонально расположенных узких и очень гладких (отполированных до блеска) белых досок.

До этого прикрытая стеклянная дверь, ведущая внутрь жилища, внезапно и достаточно резко отворилась, пойдя на меня. И я тоже интуитивно шагнул назад, вновь выступив из дома через приоткрытый проем входной двери. Впрочем, немедля вернулся, так как в открывшемся проеме увидел собаку, радостно завивавшую длинным хвостом, опущенным вниз и там загнутым в кольцо. То была крупная собака, напоминающая персидскую борзую, имеющую еще название газелья собака или салюки. Считалось, что на Земле это одна из древнейших пород. Видимо, потому как ученые предполагали возникновение человека на континенте Африка и уже оттуда его распространение по всему миру. И чего его, древнего человека, понесло на север, в холода, так сказать, оставалось для меня не ясным.

Информацию по поводу салюки я знал лишь потому что у моего друга, того самого Влада, жила точно такая собака. Впрочем, эта псина, замершая на миг в проеме, помахивая довольно хвостом, отличалась от собаки Влада ростом (будучи более рослой) и костистостью, прямо-таки сухостью сложения. У нее были длинные, стройные ноги, а короткая, гладкая шерсть смотрелась тигровыми полосами. Вспять того уши (висячие, чуть вскинутые) поросли густой шерстью, а на самом переходе с головы в морду выглядели плотными очесами, будто тут ее забыли состричь.

Я вообще-то равнодушен к собакам, а в детстве их и вовсе панически боялся, будучи когда-то напуганным, но эта псина с удивительными такими голубыми глазами, столь радостно осклабилась мне. И я сам того не ожидая улыбнулся ей в ответ. Она также резво сошла с места и принялась вертеться рядом, обходя меня по кругу, однако, не собираясь выскочить на двор. И, чтобы у нее не возникло такого желания, я схватился за круглую скобу с внутренней стороны, и, дернув дверь на себя, закрыл проем. Псина между тем не просто вертелась подле, а настойчиво тыкалась мордой в ноги Виклины, порой облизывая кожу на них.

– Ну, хватит! Хватит! – несмотря на данное неприятство, довольно миролюбиво сказал я. Осознавая, что проявление таких чувств говорит о том, что и в ответ собака получает не меньшие.

На удивление псина тотчас прекратила свои хождения вокруг меня, и, направившись к проему, что вел из тамбура в комнаты, остановилась как раз на распутье, не прекратив, так-таки, вилять своим кольчатым хвостом на собственном кончике. Тем точно приглашая войти в дом на правах, как говорится его хозяина, точнее хозяйки.

Я, конечно, частенько (что касалось чистоты и порядка) выступал в роли свина, но тут решил не следовать своим привычкам, и, сняв с ножек Виклины кроссовки, поставил их на металлические полки обувницы, лишь затем, подпихнув собаку в зад, вошел внутрь дома.

Теперь оказавшись в небольшой комнате, определенно, исполняющей роль прихожей, впрочем, без как таковых стен и мебелировки, где сразу по правую сторону, точно упираясь в стену, поместилась деревянная лестница, уводящая на второй этаж. А как раз напротив входа располагалась комната, прячущаяся за стеклянной, полупрозрачной дверью, за которой оказалась совмещенная ванна и туалет. Она хоть и была небольшой, но за счет минимума цветов, мебели: угловой ванны (довольно-таки просторной), унитаза и умывальника смотрелась вместительной. Блекло-сиреневый цвет стен в ней, казался, был выложен из тонких вертикальных полос кафельной плитки, а пол и потолок оставался деревянным.

Впрочем, я не старался слишком ее разглядывать, и торопливо закрыв дверь в ванную, озираясь, вступил в центральную комнату дома. Это было просторное помещение, где две трети площади приходилось, видимо, на гостиную или зал, а все остальное на кухню. Отгороженная стеной, по правую от входа сторону, кухня, однако, не имела двери, лишь проем, достаточно широкий. Через который на меня глянул деревянный, круглый стол и три стула с квадратной рамой сидения, высокими спинками и изогнутыми ножками. Эта мебель поразила меня своими старинными фасонами, и тут, словно указывающими на средние века. Мебель была массивной и смотрелась тяжелой, а червоточины и потертости ее поверхности с эффектом яркости и структурности красного дерева, однозначно, относили ее к антиквару. Такими же антикварными были стоящие в центре гостиной два плетеных из лозы кресла качалки и дубовый столик с откидными полами. На низких ножках этот столик был по поверхности расписан какими-то растительными и животными мотивами, а мощный подсвечник из бронзы, расположившийся в середине столешницы, удерживал на себе семь лампочек-свечей.

Я же лишь мельком глянул на кухню, отметив в ней средневековую мебель, а после сосредоточился на гостиной, где сразу за столиком и креслами-качалками в стене поместился камин. Это был дровяной камин, потому как рядом лежали в округлой невысокой корзине топливные брикеты (из спрессованных дровяных отходов), в виде вытянутых кирпичиков, с отверстиями внутри и две кочерги.

Камин имел П-образную форму с открытой топкой, будучи не очень глубоким, и расширяясь ограждениями, самым топливником в сторону комнаты. Декорированный темно-желтым гранитом или мрамором, дверцей из кованого металла, он весьма гармонировал с самими (как оказалось и внутри дома) бело-желтыми стенами, сложенными из каменных блоков, деревянным полом и потолком да двумя двухметровыми напольными часами, стоящими по обеим сторонам от топливника. Часы, верно, были механическими, так как на то указывали позолоченные гири и покачивающиеся маятники. Из красного дерева их корпуса украшали арочные, резные фронтоны, а на дисках циферблатов поблескивали тончайшие узоры трав, ветвей и листочков, как и сами римские цифры,двигающиеся часовые, минутные, секундные стрелки, показывающие девять часов пять минут, были золочеными. Впрочем, глянув на камин, занимающий центральную стену в комнате, я подумал, что он не такой уж и большой. И, походу, не столько отапливает жилище, сколько просто создает в нем комфорт, красоту.

Следуя взглядом по этой стене влево, я, миновав часы, остановился на черном пианино с деревянным корпусом расположившемся почти в углу комнаты, а потом исследовал и соседние стены. Не только ту, на которой поместились три стрельчатых окна (не прикрытых и даже малой занавеской) и находящихся между ними настенных полок в виде узкого деревянного кронштейна с закрепленными концами и перемычками, где сами книги располагались не вертикально, а горизонтально, но и на угловую. И вовсе на которой во всю длину, ширину и высоту располагалось нагромождение из маленьких полочек, забитых книгами.

Я еще чуть-чуть медлил, удивляясь такой приверженности книго чтению (оно как сам этим не страдал), а после направился к пианино и книжными полкам, как и понятно, сопровождаемый помахивающей хвостом собакой. Она весь тот срок, что я осматривался, не прекращала тыкаться мне головой в ногу, выражая чувство удовлетворения моему приходу, точнее приходу Виклины. Очевидно, даже не ощутив подмены.

Сдержав шаг возле пианино, напротив полок с книгами, я протянул руку и снял одну из них. Притом приметив, что на самих корешках, как принято в нашей стране, не были помещены данные автора и названия книги. Впрочем, этого не наблюдалось и на обложке, не спереди, не сзади, наверно, потому как переплет книги был изготовлен из натуральной кожи. Книга, не только та, что я держал в руках, но и другие, стоящие на полках, выглядели дорогими, как для самих владельцев, так и по цене. Оно как их обложки смотрелись цельнокроеными, сделанными из одного куска темно-коричневой кожи, хотя местами несколько потертые, будто их читали до дыр, как говорится.

В комнате, доме было очень тихо, несмотря на все еще суетившегося возле меня пса, и чуть ощутимо пахло горьковатым дымом и ароматом ванили, словно на кухне поспел вкусный пирог. Потому, когда я неторопливо открыл находящуюся в моих руках книгу, она слышимо зашуршала сначала кожаным переплетом, затем листами. Книга зашелестела (как опадающая осенью листва), а я в унисон ей оторопел. Так как и на первом листе (более тяжелом, чем те, которые я листал раньше) и на все последующих, увидел непонятные значки, изображающие какие-то прямоугольники, квадраты, кресты, волнистые линии, порой недописанные буквы русского алфавита. Этими символами были исписаны сверху донизу и все остальные листы так, что я понял передо мной книга, написанная на каком-то другом языке. Заинтригованный данным обстоятельством, я торопливо вернул книгу на полку, и снял другую, а потом посмотрел третью, четвертую. И все они, к моему изумлению, были также исписаны этими странными значками. Потому я подумал, что это может и вовсе какие-то дорогие книги, рукописи там...

Ну, к примеру, древнерусские или старославянские летописи.

Хотя, гладкость листьев в книги, их лощенность, белый цвет несколько опровергали мое предположение.

А может, я говорю на другом языке. Попал в голову человека иного народа и бах! заговорил на их языке.

– Да, ну, дурь какая-то! – сказал я вслух и дернул вверх плечами, понимая безумность такой теории.

– Доброго дня, Лина, – внезапно раздался позади меня мужской голос, прерывая мои телодвижения и рассуждения.

Глава шестая

Этот враз возникший в тиши комнаты голос оказался столь неожиданным, что я прямо-таки подпрыгнул на месте, а из моих, от волнения ослабевших, рук на пол свалилась книга. Вместе с тем я резко развернулся и увидел стоящего в центре гостиной, возле столика молодого мужчину, да радостно его обнюхивающего пса. Видно, последний встретил мужчину, когда тот вошел в дом, а я того даже и не приметил.

Вошедший мужчина был молод и красив, хотя (как мне подумалось) значительно старше Виклины, возможно на семь-восемь лет. Мне понадобилось не больше минуты, чтобы вспомнить (уж, и не знаю, как это по-другому назвать) его и соотнести к имени Беловук, столь часто слышанному ранее в других мною виденных снах, связанных с Виклиной. Он смотрелся головы на две выше девушки, в теле которой я находился, обладая атлетическим телосложением. В частности широким плечевым поясом, округлой грудной клеткой, короткой шеей, и хорошо развитой мышечной массой на руках и ногах, что наблюдалось даже через ткань белой тонкой с коротким рукавом, приталенной рубашки (достигающей середины бедер с узким в виде планки воротником) и узких (того же цвета) штанов, на голени образующих многочисленные складки.

У Беловука и черты лица выглядели крупными, а сама его длина лишь на чуть-чуть превышала ширину. Развитым, широким смотрелся раздвоенный надвое подбородок, и такими же мощными, выступающими были скулы. Хотя выраженной частью лица оставалась нижняя челюсть, делающая своего обладателя личностью достаточно жесткой, педантичной, сильной. Длинные, тонкие брови с ярко выраженной родинкой внутри правой, узкий нос с плоской спинкой, большой рот с блестящими красными губами и удлиненной формы глаза, с зеленой радужной оболочкой, смотрящие точно в мой лоб, еще больше придавали Беловуку привлекательности, одновременно, указывая на него, как на человека ответственного и властного. Однако густые, кудрявые, короткие волосы, смугло-белая кожа с каким-то персиковым оттенком, и опять же отдающая розовым цветом склера глаз несли в себе непонятную нежность, мягкость, возможно, всего-навсего испытываемого к Виклине.

Похоже, я оказался прав насчет цвета радужки. И то была не болезнь, а какая-то местная аномалия. А может мне это просто казалось, ведь все-таки я спал. А во сне, как известно мало ли, что не привидится.

– Лина, дорогая, тебе не хорошо? – довольно нежно обратился Беловук к Виклине и торопливо сошел с места, направившись в мою сторону.

В его движениях плыло столько беспокойства, заботы, что я моментально понял между этими двумя все слишком серьезно или только сложно. Расстояние между нами стремительно сокращалось, отчего я поспешно ступил назад, так сказать, ретируюсь, но все ситуацию спас пес. Он внезапно сделал широкий прыжок вперед и вбок, и прямо-таки врезался головой, а после и всем телом в ноги мужчины. Не то, чтобы сбивая его, но, однозначно, останавливая. Беловук враз замер, качнувшись взад-вперед и явив на лице негодование, басисто, однако с бархатным, раскатистым тембром сказал:

– Сорочай, прекрати! – обращаясь лишь к собаке, слегка оттолкнув его левой рукой от себя. – И когда же Лина, ты отучишь Сорочая, от сей дурной привычки, наскакивать на людей, – теперь, определенно, обращаясь ко мне.

Тем самым не только сообщая мне имя собаки, но и уточняя свое место в этом доме, на правах мужчины, возможно мужа, жениха.

– Сорочай, ко мне, – не скрывая радости в голосе, позвал я собаку, в той порывистости стараясь не забыть говорить от женского лица. Голос Виклины разлетевшись по комнате, кажется, отразился от каменных стен и послышался мне таким высоким, красивым, точно его

звуку подыграли скрипка и флейта, одновременно, со всех сторон. И я, так-таки, выдохнул, вроде мгновенно и враз влюбившись в этот певучий, музыкальный голос, наполняющий меня изнутри теплом и чистотой звучания.

Видимо, потому как я заслушался или залюбовался услышанным, не заметил как Сорочай добежав до меня, вновь боднулся головой в ноги. Таким своим поведением больше напоминая кошку, чем собаку. Вызвав осязаемое мое покачивание.

– Вот, опять он, – сердито проронил Беловук и качнул негодующе головой. – Опять, Лина, толкается. И почему, ты, не хочешь меня послушать и обратиться за помощью к инструктору-кинологу. Я уже уточнял в Кинологическом клубе, будет индивидуальный подход. И твой Сорочай в короткий срок научиться правильно себя вести, – тем же назидательно-настойчивым тоном продолжил он, так точно имел на то право, и, по-видимому, собирался углубиться в прочтение проповеди.

Моя бабушка, Светлана Павловна, была, да и есть очень набожная. И когда я находился в поре детства и юности, частенько таскала меня на воскресные службы в христианский храм. В котором, вот также нудно вычитывал, после службы, проповедь один и тот же оплывший от жира священник так, что меня всегда разбирала страшная зевота. Она выворачивала мою нижнюю челюсть в бок, вызывая тугие стоны и хрипы. В каковых (как, впрочем, и в самой зевоте) бабуля подозревала выход нечистой силы.

Вероятно, и в этот раз сработал накопленный, в процессе бессмысленно потерянного времени в храме, рефлекс. И когда Беловук принялся нудно поучать Виклину, я неожиданно громко и раскатисто зевнув, также слышимо простонал. Странно, но я зевнул так, как делал это в своем теле, широко раззявив рот и воспроизведя при его закрытии слышимое ф-р... Как говорила, моя мать в детстве: «Точно тигренок фыркнул». Моя зевота, поведение не соответствовали Виклине, это я сообразил мгновение погодя, когда мужчина, оборвав свою речь на полуслове, резко смолк, и с беспокойством оглядев меня, спросил, не убрав нотки властности и тревоги из собственного бархатистого баса:

– Лина, тебе дурно? Голова болит, кружится. Я пришел тебя проведать, потому как Синя мне позвонила. И не хотел тебя расстроить, прости меня, дорогая.

«О! Выходит я прав, – и вовсе как-то обидчиво, словно имел на то право, подумал я, – они очень близки. Наверно, – стараясь себя поддержать, протянул я, – они пара. Походу, встречаются».

Впрочем, не скрою, последняя фраза как-то болезненно меня резанула. Вроде как ревностью. На которую я, по сути, не имел права. И вообще не имел ничего.

– Да, нет, все пучком! Голова уже прошла! – дополнил я вслух, каким-то запалом. А про себя злобно чертыхнулся, увидев, как на лице Беловука, на крупных скулах, качнулись желваки, слегка придавшие персиковому оттенку кожи красные тона, поняв, что такие фразы не то, чтобы из уст Виклины, вообще тут не приняты.

– Знаешь, дорогая, – голос его теперь зазвучал ласкательно, погасив присущую басу мощь, стараясь оставить там только бархатность фонации. Наверно, этот мужчина испытывал к девушке сильные чувства. – Я все-таки хочу тебя убедить пройти общую диагностику организма. Прости, но я как врач в твоём случае подчас наблюдаю неадекватность поведения и ведения диалога. Да и, присутствие в тебе кого-то стороннего, как ты говоришь, указывает на возможное развитие синдрома множественной личности, что сейчас в начале заболевания мы можем поправить. Полностью тебя, излечив и не допустив прогрессирования болезни.

«Ах, вот оно как, – продышал я про себя, так будто боялся, что меня услышит сама Виклина. Ее тело. Ее мозг. – Выходит она меня чувствует, как нечто стороннее. И получается Беловук не только ее парень, – это я подумал, прямо-таки, скрипнув от ревности мыслями. – Но еще и лечащий врач. Эскулап, мать его, – добавил я, совсем не подозревая бога врачевания в римской мифологии, а выразив через это слово всю свою злость на мужчину».

И, чтобы скрыть обуревающие меня чувства неприязни к нему, резко развернулся, не менее энергично присев и подняв с пола книгу. Сорочай, и прежде крутившийся рядышком, резво кинулся ко мне и принялся облизывать щеки, губы своим мягким, розовым языком. Видимо, для Беловука поведение пса оказалось последней каплей, потому как до этого рассуждающий о заболевании, он мгновенно прервался, будто тем перерывом хотел обратить на себя мое внимание, но, так и не дождавшись какой-никакой реакции, довольно строго дополнил:

– Мне это, кажется, или ты Лина нарочно не желаешь меня слушать. И это касается не только поведения Сорочая, но и той диагностики на которой я настаиваю.

Я медленно поднялся с присядок, слегка притом оттолкнув от себя все еще ластящего пса, и пристроив книгу на полку, скользнув взглядом вправо, уставился через стекло окна на двор и яркую зелень травы, отдельные длинные стебельки которой едва покачивались в порывах ветра.

– Мне просто нравится непосредственность в поведении Сорочая, – наконец отозвался я, в этот раз, сказав то, что меня и в самом деле тронуло в псе.

– Ты, мне об этом уже говорила, дорогая, – также, не мешкая, откликнулся Беловук. Поразив лично меня схожестью наших с Виклиной вкусов, отношений. – Но это на самом деле не непосредственность, а всего-навсего невоспитанность, – продолжил он, и, сойдя с места, направился ко мне, слышимо скользнув голыми подошвами стоп о деревянный пол, в унисон скрипнувшей половицей. – А с твоей стороны только попытка уйти от разговора со мной. От разговора достаточно серьезного. Если ты, дорогая, – и голос его вновь растеряв строгость, зазвучал добродушно, приветливо, что ли, – ты не хочешь, чтобы другие знали о предложенной мною диагностике. Поверь, я все устрою. С Синой и Горясером поговорю сам. А твоему куратору направлю официальное предписание на досрочную диагностику в связи с поездкой в Сумь. Таким образом, ни у кого, и даже у руководства университета не возникнет вопросов о проблемах со здоровьем, я уже не говорю о твоих близких.

Он ощутимо достиг меня, и, остановившись в шаге напротив, положил на мое правое плечо ладонь, слегка на него надавливая и разворачивая к себе.

– Поговорим об этом позднее, Беловук, – ответил я, поворачиваясь к нему, и легонько качнул плечом, намереваясь скинуть с него руку. Сказав так намеренно, чтобы любое решение оставить на суд Виклины, и тем самым не подставить ее под неприятности.

Впрочем, то ли мои слова, то ли лишь обращение, попытка сбросить руку вызвали на лице Беловука очередное движение желваков на скулах, а сама кожа там совсем густо покраснела, опять же, как и на щеках. Он сам снял руку с моего плеча и с нежностью (которую я воспринял прямо-таки позвоночным столбом) огладил лоб Виклины, его блестящие, красные губы зрительно дрогнули и слегка приотворившись болезненно дыхнули:

– Ты на меня все еще сердишься, дорогая?

Пальцы правой руки Беловука сместились вниз, и, оттянув нижнее веко, Виклины заглянули в ее глаз. И я, внезапно, прицельно стрельнув в расположенный напротив глаз этого мужчины с очевидностью увидел в нем розовую склеру, прикрывающую зеленую радужку, такую же блестящую, как и губы, лишь по окоему с черным зрачком имеющую небольшие всплески коричневого цвета. Да, точно захлебнулся волнением.

Потому как мне показалось, я увидел отражение своих глаз в зеркале (уж, так радужки у нас были идентичны). Впрочем, розоватость склеры вернула мне самообладание и понимание, что я вижу не свои глаза. И вообще, похоже, нахожусь, где-то в другом месте.

Может и впрямь сказочном, волшебном мире.

Ведь, черт возьми! я никогда не слышал, чтобы у землян была розовая склера. Ну, я понимаю там набухшие сосуды и кровоизлияния в склере глазных яблок, указывающих на проблемы с давлением, но тут было по-другому. И сам весь видимый цвет склеры смотрелся розовым.

Хотя, если судить о моих знаниях... Они всегда оставались, столь обрывочны, жалки. Потому ни в чем не имелось уверенности и даже в розовой склере.

Покуда я размышлял о склере и собственных знаниях, Беловук осмотрел и второй мой глаз, оттянув там вниз нижнее веко, огладил подушечками пальцев виски, а потом прощупал пульс на руке. И в окончании осмотра очень мягко улыбнулся, несомненно, оставшись довольным моим состоянием, точнее состоянием Виклины.

– Сегодня, дорогая, ты лучше побудь дома, – озвучил он свое исследование рекомендациями, которые прозвучали хоть и добродушно наполненные бархатистостью его баса, однако, сопровождалась привычной ему, как врачу, авторитетностью. – А завтра, если не будет каких болей, можешь поехать в университет. И, само собой разумеющееся, не забудь выпить микстуру, что тебе прописана. – Мужчина улыбнулся сильнее, чуть вздев верхнюю губу, один-один, как модель в рекламе, стараясь непременно образом показать свои бело-жемчужные, ровные зубы. – Я сейчас найду к Баташу Мнату, дабы сделать осмотр, и поеду в лечебницу. И если ты не будешь против, загляну к тебе вечером, часиков в семь.

– Ну, да, – плохо скрыв собственное недовольство, довольно кисло буркнул я в ответ, немного подавшись назад, чтобы отдалить от себя заглядывающего мне в лицо Беловука.

Я, впрочем, сейчас и не старался скрыть, как раздосадован на него. В-первую очередь, и, к собственному удивлению, ревнуя его к Виклине. К его чувствам, что ли...

А может только к ее чувствам к нему...

Подозревая, что на его нежность, любовь она (блин!) отвечает взаимностью!

– Я, было, подумал, ты на меня более не сердишься, Лина, – наполненным горечью голосом протянул мужчина. И теперь дрожью отозвались на его лице не только губы, желваки, но и каждая в отдельности черточка, сменив цвет кожи со смугло-персикового на почти красноватый. А я почувствовал радость и, одновременно, раздражение. Радость, что Виклина... Лина была на него сердита. И раздражение на себя, что лез в их отношения, да еще и испытывал от этого упоение.

– Пойми дорогая, – сейчас он заговорил просяще, не скрывая собственной вины от ранее произошедшего. – Вчера я сказал так, лишь потому, что волнуюсь за тебя. Боюсь за тебя. Только по этой причине я говорил об отмене твоей поездки в Сумь. Но я бы никогда, никогда не стал вредить тебе и не посмел бы заявить о твоём заболевании в университете.

Беловук и вовсе рывком шагнул ко мне, и, схватив обеими руками за плечи, прижал к своей груди, да, склонив голову, воткнулся губами в мою макушку, торопливо (точно боялся, что я его прерву) зашептал в нее:

– Да, да! дорогая! Ты права, права. И предельна со мной честна. Я понимаю, что разработанная в нашем обществе система подбора супружеских пар, не всегда себя может оправдывать, не всегда точна. Я, понимаю и благодарен тебе, что ты никогда не скрывала свое теплое ко мне отношения. Притом никогда не говорила мне о любви, оно как ее не испытывала. Но я! Я, дорогая, так люблю тебя... – Мужчина осекся, так резко, словно о том было запрещено говорить, и ласково прошелся губами по волосам Виклины, очевидно, целуя их. – Однако в твоём случае испытываемая ко мне теплота может стать лишь началом, истоком возникающих чувств. Ведь не всегда между людьми должна пролететь искра, из которой возгорается пламя, огонь любви. Иногда это бывают долгосрочные отношения, теплота, поддержка, уважение.

– Ну, тогда это не любовь, – злобно отозвался я, испытывая прямо-таки отвращение к Беловуку. Отвращение за то, что он сейчас пытался подменить любовь, какими-то обязанностями, страсть всего-навсего уважением. Так, будто пытался обмануть Лину или вовлечь ее в этот бессовестный обман.

Видимо, оттого, что я столь близко воспринял обиду за Виклину, за ее желание любить, не просто уважать, резко дернулся от Беловука в сторону, вырвавшись из его объятий.

– Да! может и так, – все с той же поспешностью, и, повышая голос, наполняя комнату басом, сказал мужчина, и я увидел, как испугался он потерять любимую, потому и опустил руки вниз, боясь еще больше настроить ее против себя собственными действиями. – Я только прошу тебя, не торопись с принятием решения. Ты же знаешь, комитет по подбору супружеских пар настаивает на нашем браке. И их будет сложно переубедить, так как они очень дорожат собственным авторитетом. Да и мы с тобой, как бы ты этого не отвергала, подходим друг другу. У нас одинаковые вкусы, устремления, желания. Они решат, что твои суждения о любви вздорны, пусты и сообщат о том куратору, твоим родителям, бабушке, и, конечно же, тогда не будет никакой Сумь, или как ты хотела работы в Гардарике. Ты не получишь туда распределения никогда, потому как одним из условий работы в стольном городе нашей страны Тэртерии является заключение брака с кандидатом выбранным комитетом.

Я стоял какой-то ошалелый, плохо воспринимая саму выдыхаемую Беловуком информацию. Не то, чтобы ею не интересуюсь, просто упиваясь тем, что Виклина его не любит, и, несмотря на давление какого-то дурацкого комитета не собирается выходить за него замуж. Впрочем, я моментально пришел в себя, когда жених Лины, не правильно истолковав мое молчание, вновь вскинул руки и попытался, обняв меня, привлечь к груди. Торопливо шагнул назад и тем, не позволяя себя... ее обнять, негромко, но довольно жестко, строго я проронил:

– Тебе, нужно уходить. – Я это сказал, чтобы прервать неприятный в первую очередь для меня разговор, и, естественно, своими неправильными, а может и злобными словами, выходами не подвести Виклину. – Поговорим, вечером, – дополнил я, потому как увидел боль в лице, глазах, чуть поддергивающихся губах Беловука. – Тебя ждут на работе, – а это я вообще неизвестно зачем добавил, будто приняв или только ощутив его переживания и пожалев его, что ли.

А после стремительно развернулся к нему спиной, сейчас опять уловив противоречивые чувства ревности, зависти, злобы, замешанной, похоже, на любви к Виклине, уже живой и во мне или только появляющейся, зарождающейся.

Глава седьмая

Я слышал, как он уходил из дома.

Слышал, походу, не просто воспринимая слухом, а еще и напряженным телом Виклины. Точно натянутой ее кожей тонкой с розово-белым оттенком, каждой клеточкой организма, а может только душой, личностью, мыслью. Той самой бессмертной, разумной, бесплотной сущностью, отличной от тела, которую создал бог (как считали верующие) или комплексом ощущений, мышлений и чувств, наполняющих наш мозг.

Беловук уходил торопливо, под его голыми стопами поскрипывал пол, словно от большого веса. Он воспринимается замер на чуть-чуть в тамбуре, верно, обуваясь, а после, отворив входную дверь, обращаясь к Виклине, сказал:

– До вечера, дорогая, – очевидно, надеясь, что его вернут.

Но так как я даже не откликнулся, он покинул дом, прикрыв за собой дверь и повелев сопровождающему ему Сорочаю, вернуться на место.

Будучи по жизни эгоистичным шалтай-болтаем, я никогда не задумывался о чувствах близких, родных. Потому как любил одного себя, дорогого. Не испытывая волнения души, личности, нейронов мозга, я не умел волноваться, беспокоиться, заботиться. Во всем и всегда используя холодность, как защиту от чувств, а на самом деле пропускал удивительные по силе и красоте эмоции.

Это я понял, только сейчас!

Сейчас! Стоя в чужом теле, в чужом месте, чужой стране...

Принимая на себя чужие чувства...

Восхищаясь ими и, одновременно, злясь на них!

И не потому как не испытывал их в отношении себя, просто впервые жажда, мечтая их подарить кому-то.

Кому-то? Нет, не кому-то, а именно ей!

Виклине! Лине!

Лица которой даже не видел. Впрочем, почувствовал ее изнутри, точно соприкоснувшись с ее душой, личностью, или мыслями заполняющими мозг. И ощутил к этой нежной, чуткой, прекрасной девушке родственность, сопричастность наших сердцевин. Ощутил, а может всего-навсего захотел этих ощущений, чувств, эмоций.

Я стоял так долго...

Обдумывая, только что пережитое.

Осмысливая его.

Ревнуя.

Завидуя.

Злясь.

Из той душевной тишины и рассуждений меня вывел тяжелый бой часов, сообщивший мне, что в данном месте, в стране Тэртерия (как сказал ранее Беловук) уже девять часов тридцать минут. Хотя, часы били не долго, они вернули мне желание исследований. Однако состояние духовной ли, душевной тягости меня не покинуло, лишь затаилось внутри, чтобы в свой срок напомнить, затянуть, захлестнуть.

Потому, перво-наперво, чтобы отвлечься, я решил подвергнуть осмотру второй этаж, где еще не был, потом кухню, понимая, что мое пребывание тут может, крайне быстро закончиться, стоит мне там, на обратной стороне, пробудиться.

Поднявшись по деревянной, под цвет дуба, лестнице имеющей совмещение забежных ступеней и промежуточной площадки (не привычной для тех, что я в основном встречал у себя в стране), ограниченной невысокими перилами, которые поддерживали резные, круче-

ные балясины, я оказался на втором этаже. Скажу сразу, что Беловук возводил на Сорочая напраслину, называя невоспитанным. Так как псина на второй этаж не поднялась, а проводив меня до лестницы, улеглась возле ступеней. Видимо, ему не разрешалось туда заходить, и в том он проявлял необходимую сообразительность.

Последняя лестница совмещалась с небольшим холлом, довольно полутемным, где в стенах по правую и левую от меня сторону находилось два небольших, на деревянном помосте, с кованым корпусом светильника, внутри которых за прозрачным стеклом располагались удлиненные лампы накаливания. Их я смог разглядеть потому, как поднявшись по лестнице, и оказавшись в темноте, недовольно сказал:

– Ну и темень, хоть глаз выколи, блин! Свет, что ли провели б сюда, – я толком не успел смолкнуть, как светильники медленно возгоревшись, озарили пространство этой комнаты, вероятно, прореагировав на условленный сигнал.

– Свет потухнуть, – поэкспериментировал я, и светильники также медленно погасли, а после очередной моей команды снова даровали свет.

– Ну, надо же, – вслух сказал я, оглядывая ни чем, ни примечательные каменные стены холла, и расположенные напротив две полупрозрачные двери. Поражаясь такой скромности, невычурности жилища, с очевидно стариной мебелью, лампами накаливания, где виделись даже внутри колб чуть дрожащие спиралевидные нити накаливания и, одновременно, современными выключателями освещения с голосовым управлением. Словно страна, в которой жила Виклина в чем-то довольно продвинулось, как и вся остальная цивилизация планеты, Земля, а в чем-то топталась на месте. Или это только бабка Виклины топталась на месте, будучи фанаткой старины, а может я и не прав, и все, что вижу у них дома очень дорого и престижно.

Вот я только ни как не мог вспомнить (обладая плохими знаниями по географии), где находится та самая страна Тэртерия. Предполагая все же, что она является, каким-то образом, близкой к русскому народу, ведь я без труда понимал Синю и Беловука, как и говорил на их языке. Очевидно, родственным русскому.

Я еще немного оглядывал сам холл, а после торопливо шагнул к правой в отношении от меня двери. Уж, и не ведаю почему, предположив, что именно это и есть комната Виклины... Лины.

На двери вместо ручки находилась круглая скоба, и, ухватив ее, я медленно потянул створку на себя, а она, отворившись, явила мне довольно большую, с высокими потолками комнату. Удивительно, но я в своих предположениях не ошибся. Так как из комнаты, очень светлой, на меня вдруг дохнула такая теплота и очень приятный, нежный аромат. Напитанный сладостью распустившихся цветов, свежестью и необычайным пряным духом, напоминающим горько-миндальный, терпкий вкус.

Да, да! именно вкус. Вкус этой комнаты, и девушки в которой находился, я почувствовал во рту, на языке, небе, словно он вошел в мое прежнее тело, или только в мой мозг, его нейроны, нейронные связи, чем-то напоминающие снежинку, с лучами и мерцающими синими огоньками света.

Это была довольно уютная спальня. И здесь в отличие от остальной части дома на стенах были установлены деревянные панели, приятного такого песочного цвета, в тон потолку и полу, придавая самой спальне солидность и некую долю роскошества.

Небольшая кровать опиралась на мощные, будто лапы чудовища изогнутые ножки с утолщением сверху, имея того же песочного цвета раму, и резную, закругленную спинку. Она поместилась по правую сторону от входа в комнату, спинкой и одной частью рамы касаясь стен помещения. Достаточно высокий матрас был укрыт плотной белой тканью с вытканными на ней розовыми узорами в тон глубокому сидению стула стоящего на соседней стене, точно заняв пространство между кроватью и круглым окном, расположенным на ней. Стул, впрочем, смотрелся довольно мощным, больше напоминая все же кресло, только в отличие от послед-

него, не имел положенной мягкой спинки. Тут она была деревянной с узкой дощечкой в средней части. Такими же деревянными оказались подлокотники и изогнутые, низкие ножки типа зажавшей шар птичьей лапы.

И если кровать и кресло вновь подражали старинной мебели, то стоящее несколько в углу на соседней стене трюмо, в виде двух невысоких шкафчиков и расположенным между ними полукруглым зеркалом, вспять смотрелось современным. Не только прямоугольной формой шкафчиков, но и структурой самого дерева, и поместившемся рядом овальным (прямо как подушка) пуфиком для сидения.

Впрочем, поразил меня в этой комнате двухметровый, массивный деревянный шкаф, застывший, как изваяние, по центру стены противоположной входу. Его две створки, как и сама форма, материал с очевидным в таком случае старением древесины, заметными вдавленностями и даже червоточинами, трещинами, указывали на его древность. Как и бюро-кабинет расположенный и вовсе напротив двери. Покрытый красным лаком с изогнутыми тонкими ножками, где распахнутые дверцы изображали выполненные в золотых тонах пейзажи, а сам шкаф с тремя горизонтальными полочками (уставленными книгами) и небольшими, выдвигаемыми ящичками, сверху украшал резной карниз, бюро-кабинет, казалось, явился сюда откуда-то из восемнадцатого века, и походу из стран Европы. Столь разнясь со стоящим возле стулом с высокой спинкой, мягким сидением и ровными ножками, на который можно было сказать обыденный, ни чем не привлекательный. И, конечно же, согласуясь с подвешенной в центре потолка на тонких, бронзовых цепочках деревянной люстрой, подобной той, что освещала на первом этаже гостиную. Узкая, бочковидного вида, сверху по деревянной поверхности, которой была проложена бронзовая тонкая полоса, а внутри просматривались небольшие восемь ламп накаливания, эта лампа, указывала, что все-таки мебель в комнате не столько старинная, сколько стилизована под старину.

Я медленно вступил в помещение, оглядывая мебель, отсутствие, и, здесь на втором этаже, на окне какой-нибудь занавеси. Неторопливо скользя взглядом по поверхности деревянного пола, местами прикрытого коврами дорожками с печатным цветочным рисунком на стриженной ворсе. Такие дорожки отдельными латками лежали возле кровати, трюмо и бюро-кабинета.

Неспешно приблизившись к бюро-кабинету, на ровной глади его столешницы я увидел планшетный персональный компьютер, диагональ экрана которого составляла не больше пятнадцати дюймов. Устройство было отключено, а находящиеся справа на корпусе выгравированные знаки лишь, я поднял компьютер, моргнули светом, будто отсоединились от сети. Это я так подумал, потому как на столешнице просматривалась белая квадратная планка, при касании с подушечками пальцев слегка вибрирующая. Планшетник управлялся, наверно, металлическим стилусом, потому как около десятка их, разнообразного оттенка были воткнуты наконецниками прямо в столешницу, в небольшие такие и специально созданные выемки. Компьютер, несмотря на размеры, казался очень легким. Но как я не пытался, нажимая на знаки в его корпусе, не включался.

Пристроив его на столешницу и совместив заднюю панель с планкой, я направился к трюмо, наконец-то, собираясь посмотреть на Виклину. Однако я шел медленно. Вроде боялся разочароваться в ней или наоборот...

Но я не разочаровался.

Так как она была очень красивой.

Ее высокий чистый лоб свидетельствовал об уме этой девушки. Уме, благородстве, невинности, а черты самого лица, его форма говорили, что в ней заключено все прекрасное, что отличает лучшую сторону этого мира. Мира красоты и чистоты!

Лицо Виклины формой напоминало сердечко, то самое которое рисуют, чтобы признаться в любви. Поэтому лоб был самым широким, а само лицо степенно сужалось к острому

подбородку. Вместе с тем в чертах лица обращали внимание ярко выраженные скулы, видимо, являясь характерными признаками народа к которому относились Виклина и Беловук. Небольшой с еле заметной горбинкой и чуть приподнятым кончиком был нос Виклины, тонкими надменно-изогнутыми темно-русые брови, и более светлыми, хотя длинными, загнутыми ресницы окружающие, широко расставленные и очень крупные миндалевидные глаза. Чья радужка, будто блестящая поразила меня темно-синим цветом, кажется, совсем не заглушаемым розовой склерой. Ее не слишком толстые или тонкие, а прямо-таки пропорционально одинаковые губы имели ровный, светло-красный... Нет! все-таки алый цвет. И как я правильно отметил у нее были белокурые, чуть выющиеся до плеч волосы со ступенчатым переходом от коротких на затылке к более длинным, в солнечных лучах прямо-таки поигрывающих желтоватыми бликами. Удлиненная шея, идеальная фигура с тонкой талией, и пропорциональными бедрами, грудью, и, естественно, нежность розово-белого оттенка кожи, придавали Лине схожесть со сказочными персонажами: феями, волшебницами, пери, а может все-таки богинями. И это несмотря на современность одежды: белые, кожаные шорты, легкую голубую рубашку и широкий браслет на правом запястье.

Словом, она была прекрасна!

И если раньше меня только завлекала, то сейчас, когда я ее увидел, сразила!

И если говорить про искру, пролетающую между людьми, то в моем случае это был тяжелесный удар в лоб!

Как говорится, сразу и наповал!

И в этот момент...

Мгновение нашей встречи, свидания с Линой мое сердце (выражаясь фигурально) не просто дрогнуло, оно прямо-таки потрескалось, освободившись от каменных оков защищающих его, которые распавшись на части, рухнули вниз, выставив напоказ его трепещущую, нежную сердцевину, тем самым делая меня беззащитным перед чувствами и самой жизнью.

– Ты, очень красивая, Виклина! Лина! Линочка, – прошептал я, и, протянув руку, провел подушечками пальцев по отраженным в зеркальной поверхности ее губам, а потом по темно-синим глазам. – Я бы хотел тебя любить. И, наверно, ради тебя мог бы измениться. Перестал бы быть избалованным эгоистом и бессовестным хамом.

Глава восьмая

В каком-то непривычном беспамятстве я покинул комнату Лины, спустившись по лестнице и сразу выйдя на двор. Забыв о том, что хотел осмотреть кухню, плохо воспринимая бой часов возвестивших, что уже десять часов.

Стало почему-то тяжело дышать, точно от волнения, нахлынувших на меня чувств, в груди расширились легкие, подавив сердце почти к горлу, а легкий озноб покрыл кожу крупными мурашками.

Я бы понял такое состояние, если б находился в собственном теле. Однако это было тело Виклины и почему оно так отреагировало на испытанное мозгом, мною в мозгу, стало не понятно. Вообще-то в данной ситуации все являлось непонятным.

Та страна, местность, где я нахожусь. Язык на котором говорю. И само мое нынешнее состояние, способное видеть через глаза Лины, управлять ее телом, говорить за нее.

Стало ясно одно для меня. То, что я влюбился в Лину окончательно. Стоило мне только ее коснуться, только на нее взглянуть.

Все эти мысли, рассуждения ярились в моей голове весь срок, что я неторопливо плелся по асфальтной дороге сквозь поселок. Лишь изредка, впрочем, без особого энтузиазма оглядывая дома, подобные тому, в котором жила Виклина... Лина... такая необыкновенная Лина.

Двухэтажные, сложенные из каменных блоков блекло-желтого цвета с черепичными крышами, стрельчатыми на первом и круглыми на втором этаже окнами, деревянными дверями и даже старинными светильниками, они смотрелись построенными, по одному принципу. А выложенные в шахматном порядке двухцветной плиткой дорожки, пространство земли вокруг него, вплоть до приподнятых бордюров уличного проезда поросшее низкой зеленой травкой (как и возле дома Лины) говорили, что в этом поселке общий такой дизайн или всего-навсего замершая картинка бытия. И только низенький Иван-чай, слегка покачивающий кистями слева от дороги, хоронящийся в зелени растительности придавал данной местности чувство живости, существования.

Впрочем, теплота наполняющегося мощью солнца также застывшего слева от меня, и легкий, чуть обволакивающий лицо, колеблющий белокурые локоны Виклины, ветерок свидетельствовал, что жизнь в этой местности шла своим неспешным ходом. А мятно-сладкий запах поступающий в нос, и, кажется, ощутимый на губах, однозначно, указывал, что спало лишь мое тело, а мозг... личность... душа продолжали бодрствовать.

Таким неторопливым шагом я миновал четыре дома, когда увидел стоящего возле нарисованного впереди пятого, пожилого мужчину. Он замер возле машины, опираясь рукой о капот.

Видимо, в данной стране не одна бабка Лины было фанатом старины. Впрочем, сейчас марка и модель автомобиля соответствовали французскому автопрому. Это я знал наверняка, так как по юности лет, еще тогда, когда не разучился учиться, очень интересовался машинами, даже собирал миниатюрные модельки. В частности данный автомобиль относился к двухдверному кабриолету Пежо 403, который выпускался во Франции в 50—60-е годы двадцатого столетия. Его мягко очерченные линии с визитной карточкой белых бортов шин, стальной оттенок кузова и, одновременно, массивность, все указывало на знакомую с детства модель автомобиля.

– Здравствуй, Лина! – обратился к девушке мужчина, очевидно, зная ее очень хорошо. Потому как после тех слов широко улыбнулся. – Ты, что-то припозднилась сегодня. Земко уже ушел. Да и маглев утрешний на сегодня последний, скорее всего, уже отбыл в город. А Синя тебя, что не стала подвозить? Если хочешь, я тебя доведу, меня ожидают в центре подготовки кадров. Маглев мы, скорей всего, не догоним, но на трамвай до университета ты, определенно, успеешь.

Он сказал так много, что я сразу-то и не сориентировался в его речи, лишь вырвал из нее уже знакомую Синю, возможно, новое имя Земко, и университет.

– Да, – не подумав, ляпнул я и тут же осекся. Понимая, что «да» сейчас прозвучало моим согласием на поездку в город или даже университет.

«А, чё! – произнес я про себя и туго вздохнул, стараясь отвлечь от мыслей про Лину и ее красоту, вновь возвращая привычный мне эгоизм. – Почему бы не развлечься».

Пока я это обдумывал, принимая решения, мне удалось рассмотреть самого мужчину. Он был пожилым, это однозначно. Не высокого, скорее всего, как Лина роста, крепкого сложения, хотя уступал в том Беловуку. Его лицо формой напоминало квадрат, так грубо было вытесано с широким, угловатым подбородком. Крупные черты лица и тут указывали на общий признак данной нации, а именно выступающие скулы, розовую склеру. Впрочем, сама форма миндалевидных глаз утаивала в себе серо-голубые радужки. Небольшой с горбинкой нос, словно списанные с Лины светло-красные одинаковой формы губы, и белокурые, волнистые волосы (в данном случае коротко подстриженные) выдавали в нем очевидного ее родственника.

Он был одет в оливковые, широкие с многочисленными складками штаны и темно-серую навывпуск атласную косоворотку. У рубашки разрез с застежкой располагался справа, а подол, косой ворот и рукава вплоть до локтя были расшиты ярко красными узорами. Подпоясанный красным тканым поясом с кистями на концах, этот мужчина всем своим видом напомнил мне русского мужика вышедшего с картинки учебника. А его белая с золотистым оттенком кожа, белесые брови, ресницы и редкие веснушки на щеках и вовсе роднили с народом, из которого был я сам.

Хотя, оливковые, замшевые туфли, одетые на голую ногу (словно у них и не носили носков) смотрелись достаточно современными. У моего друга, Влада, были такие только тканевые и клетчатые.

– Отлично, тогда, садись, внучка! – голосом старшего указал мужчина, определенно, имея власть над Виклиной. И собственной фразой вызвал возглас удивления у меня, благо он прозвучал не вслух, а лишь про себя. Ну, словом где-то в мозгах, их нейронах, а может только душе, личности.

«Получается, что это очередной родственник, Лины. Дед!» – констатировал я про себя.

А дед Виклины между тем, подобно Сини вскинул с капота рука и слышимо щелкнул зажатым в пальцах брелком. И обе двери похожего на Пежо 403 автомобиля мягко отворились, зазывая нас внутрь. Мужчина тотчас развернулся и направился к левой двери, на ходу махнув мне в сторону правой. Я медлил совсем чуть-чуть, не столько волнуясь, сколько переходя на более энергичный шаг. И обойдя автомобиль, оглядывая его формы, опустился в единственное пассажирское сидение, оно как в отличие от известной марки в этой было только два посадочных места.

Внутри, транспортное средство, однако, ничего не имело с архаичностью его внешнего вида. Поразив меня достаточным пространством, удобными черными кожаными сидениями с высокими подголовниками, элегантностью, плавностью линий интерьера салона и отсутствием не только панели прибора, но и привычного руля, коробки передач, бардачка. На месте руля находилась слегка выступающая вперед плазменная панель, экран монитора, что ли, а может даже планшет. Словом то было похожее на экран устройство, точно укрепленное на рулевой колонке, верно, поэтому и выступало над закругленной панелью, на которой должны были располагаться приборы. На экране на голубом фоне сияла какая та надпись, нанесенная теми же непонятными знаками изображающими прямоугольники, квадраты, кресты, волнистые линии, или недописанные буквы русского алфавита, которая, стоило мне опуститься в сидение, и вовсе зарябила радужными переливами.

Дверь дома, напротив какового стояла машина, грубо вырубленная, украшенная тремя горизонтально расположенными железными копиями, справа и слева от которой висели дере-

вянно-кованные светильники, внезапно открылась. И из жилища на каменное крыльцо вышла женщина, сухопарая, невысокая, чем-то напоминающая Синую. Так, что я вначале подумал, это она и есть. Но потом, приглядевшись, понял, что обознался.

У этой женщины, в отличие от бабки Лины, лицо смотрелось более круглым, да и черты лица: несколько широкий нос, пухлые губы, крупные глазницы, и водянисто-серые радужки различались с ней. Впрочем, цвет бело-розовой кожи с золотистым оттенком, розовой склеры глаз и выступающие скулы, такие же, как у всех кого я тут встретили, говорили мне, что она однотипна этой нации, народу, а может всего-навсего является родней Лине. Пепельно-каштановые (видимо длинные) волосы она собрала в шишку на затылке, утянув их так, что по первому мне почудилось, будто женщина и вовсе лысая. На ней, теперь в унисон одежде деда Виклины, был одет сарафан. Один-в-один, какой носили мои предки в архаичные времена. Это было тяжелое, распашное платье, без рукавов, ворота, пошитое из цветастой с преобладанием красного цвета ткани. Одетое на белую с длинным рукавом рубашку, подпоясанное на талии тканым поясом с кистями.

Походу данная женщина, как и дед Линочки, были приверженцами старины, а может, являлись какими-нибудь староверами. Ну, теми, которые откололись от русской церкви во времена царя Алексея Романова в связи с реформой патриарха Никона. А, возможно, теми, которые называли себя родноверами, и верили в древних богов Сварога, Перуна, Дажьбога, и в нынешние времена засилья всего иностранного, чуждого помнили свои славянские корни, старались возродить древнюю веру, нравственность и духовность обычаев собственного народа.

«О, блин! сколько я, оказывается, знаю», – подумал я про себя, поражаясь собственным знаниям или только отдельным крохам, крупинкам, когда-то услышанного.

– Горясер! – довольно громко крикнула женщина, обращаясь к деду Виклины, и тотчас слегка пригнув голову, воззрилась на меня, стараясь разглядеть сквозь открытую дверь машины. – Линочка, здравствуй, милая! – ласково обратилась она ко мне, и ее пухлые, прямо-таки толстые, розовые губы растянулись, показав ряды ровных, белых зубов. Тем вновь указав, что у данного народа эти органы во рту являли собственное здоровье или правильный уход. – Ты, что-то припозднилась, сегодня, в университет. А Синя, тебя, почему не довезла до остановки?

– Да, так получилось, – обтекаемо ответил я, все время контролируя собственную речь, стараясь не допустить в ней употребления мужского рода к которому я привык с детства, всегда ощущая себя мальчиком.

– По-видимому, у них опять вышел спор, – вставил в мой ответ дед Виклины, которого, как оказалось, звали Горясер. Он дернул взгляд в мою сторону, ухмыльнулся, демонстрируя и вовсе жемчужность зубов, которым мог позавидовать даже я. Точнее мое тело. – Дискуссия, которая закончилась скорым отъездом Сины. Ничего, Ягла, сейчас я доведу свою внучку, дочь моего старшего сына до Мологи, – дополнил он свою речь.

«Отлично, значит отец Виклины сын этого Горясера», – подумал я и широко улыбнулся, не столько Ягле, как называл ее дед Лины, сколько радуясь собственной сообразительности и, наконец, немного разобравшись в сих хитросплетениях родни.

– Горясер, – заговорила Ягла, приняв мою улыбку, как подтверждение слов деда Лины. – Не забудь после работы заехать в прачечную и забрать чистое белье. Мне уже второй раз пришлось оповещение.

– Да, да, дорогая, постараюсь не забыть. Сейчас внесу в ежедневник, – откликнулся незамедлительно Горясер и теперь крутнул голову в сторону супруги, скорей всего, не являющейся бабкой Лины. Он довольно засмеялся, а его голос мужественный, сильный, чем-то напоминающий мой, относимый к баритону, прежде звучавший ровно, внезапно наполнился такой радостью, которую я уловил поверхностью кожи, отчего на ее гладкости появились мельчайшие

мурашки, будто пробежавшего озноба. Просто я раньше никогда не ощущал, таким образом, радость.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.